

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Ирины Шевченко
в серии

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

**ДОЧЬ ХРАНИТЕЛЯ
И ПРИДЕТ ВОЛЧИЦА...**

Ирина ШЕВЧЕНКО

И ПРИДЕТ
ВОЛЧИЦА...

Роман

Москва, 2013
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
ШЗ7

Серия основана в 2004 году
Выпуск 483

Художник
С. А. Григорьев

Шевченко И. С.

ШЗ7 И придет волчица...: Фантастический роман. — М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 506 с.: ил.—
(Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1543-4

Когда на кону не только имперский трон, но и власть над миром, войны не избежать. И уже появились первые предвестники грядущей беды: темные волны разбудили нечисть кармолевских лесов, а верховный жрец предсказывает возвращение в Марони белой волчицы.

Но у бывшей открывающей с Земли и без того все непросто. Убийца еще на свободе, непонятно что ищет на Таре пришедший из другого мира наемник-орк, и тревожат ночами странные сны. А жители лесной деревушки обеспокоены появлением в окрестностях загадочной тени...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1543-4

© Шевченко И. С., 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

*Андрею, без которого не было бы Сумрака
ни в этой книге, ни в моей жизни*

Часть первая НЕЗАКОНЧЕННЫЕ ДЕЛА

ГЛАВА 1

Юли

Тусклое осеннее солнце зависло над горизонтом в сиреновой дымке. По-хорошему ему давно полагалось нырнуть за волнистую кромку холмов и дать обозначившимся уже звездам засиять над землей в полную силу. Но светило медлило. Оно наблюдало. Вот уже несколько часов его занимал поросший редким кустарником пустырь на окраине города. Там, по колено в высокой пожелтевшей траве, замер ребенок, мальчик лет семи-восьми.

Какое-то время он стоял неподвижно, словно собираясь с силами, после откинул со лба непослушную светлую челку и поднял руку.

Солнце у горизонта настороженно застыло. Сейчас!

Мальчуган осмотрелся, глазами нашел в пространстве перед собой некую точку и теперь пытался не упустить ее, удержать. Тонкие пальчики, каждый из которых венчал серебристый коготок, потянулись за взглядом, и впереди замерцало пятнышко величиной с монетку. Возникло на какой-то миг и растаяло в воздухе.

Солнце разочарованно вздохнуло и придвинулось к краю земли. Пора уж.

Мальчишка досадливо закусил губу, но и только. Подобрался, и опять: рука вперед, глаза прищурены — лепят комочек тусклого света.

— Ты немного не так это делаешь.

Мальчик подпрыгнул от неожиданности.

— Я говорю, ты неверно координируешь потоки.

Незнакомец подошел со стороны города и, судя по всему, успел увидеть достаточно.

— А что такое потоки? — непонимающе переспросил маленький волшебник.

— Это то, что ты чувствуешь вокруг себя. Ручейки силы. Ниточки, за которые ты пытаешься зацепиться.

Чужак не вызывал тревоги и недоверия. К тому же он явно знал, о чем говорит. Знал, в отличие от других взрослых, которые никогда и ничего не могли объяснить.

— Вы сказали, я их неправильно как-то...

— Координируешь. Направляешь. Все, что тебе нужно, — сконцентрировать силу в одной точке. И не пытайся вобрать поток целиком. Войди в него, стань его частью, а выход оставь только здесь и здесь.

Длинный коготь поочередно ткнул ребенка в лоб и в центр ладошки.

— Попробуешь?

Мальчуган с шумом выдохнул. Расслабился, прикрыв веки.

Солнце снова замедлило свое нисхождение.

Глаза открылись, рука взметнулась вверх, и в трех метрах от ребенка вспыхнул шар правильной формы. Не шар — шарик. Но все же не рваное пятнышко.

— Получилось, — прошептал маленький маг.

— Получилось! — В голосе незнакомца звучала искренняя радость. — Попробуй его подвигать. Не резко. Не спеши, вот так.

Шарик-светлячок плавно подался вверх, после вниз и медленно описал широкую дугу вокруг ближайшего куста.

— Теперь я покажу ей! Она увидит и наконец-то поверит... Моя мама.

Мужчина понимающе кивнул.

— Ты не против, если я пойду с тобой? — спросил он у малыша. — Мне бы хотелось с ней... познакомиться.

— Познакомиться! — Светящийся шарик лопнул. — Простите, я ведь с вами не познакомился.

— Зови меня... Лайс. Пока просто Лайс.

— Ой! — обрадовался мальчик. — Вас зовут, как меня!

— Нет, — тихо поправил его взрослый, — это тебя называли, как меня.

Солнце довольно вздохнуло и ухнуло за горизонт. Теперь можно.

Женщина стояла на крыльце и заметила их ненадолго позже, чем они ее:

— Лайс!

Оба от этого окрика вздрогнули и почти одинаково поежились.

— Сейчас будет! — шепотом предупредил мальчишка.

— Лайсарин Гиалло, где тебя носит?! Я с ног сбилась...

— Здравствуйте, госпожа доктор.

Она застыла, ее зеленые кошачьи глаза удивленно расширились, но она быстро пришла в себя:

— Здравствуйте, господин Эн-Ферро.

Пользуясь возникшим между взрослыми замешательством, ребенок прошмыгнул мимо матери в дом.

— Сын... Ваш сын пригласил меня на ужин. Но я не хотел бы мешать, и если у вас...

— Нет, оставайтесь конечно же.

— Спасибо. Я хотел бы поговорить. О многом. К сожалению, об очень многом. Во-первых, мне нужно встретиться с вашим отцом.

— С папой?

— Да. Это не относится... Бездна! Ладно, давай начистоту, Мари-за. Ничего, что на «ты»? Мы все-таки знакомы.

— Угу, — надула она губки. — Немного.

— Хорошо, прости, я придурок. Демоны, как часто я в последнее время повторяю это! Но мне надо поговорить с твоим отцом. А потом, после ужина, перед ужином или вместо него я хотел поговорить и с тобой. Я понятно объяснил?

— Нет. Но папа сейчас в кабинете. Я провожу.

Идя вслед за ней по широкому, ярко освещенному коридору, глядя на гордо выпрямленную спину, густую шапку коротких пепельно-русых кудряшек и такого же окраса хвост, свисающий из прорези в плотно облегающих узкие бедра брючках, Лайс Эн-Ферро безуспешно пытался вспомнить некую студентку, рядом с которой сидел однажды на банкете в свою честь. Но отчего-то вспоминалась худенькая девчушка, встречавшая его, как и сегодня, на крыльце и с ходу бросавшаяся на шею, чтобы потом обшарить карманы в поисках гостинца...

— Папа, ты не занят? К тебе пришли.

— Добрый вечер, доктор Гиалло.

— Э-э... Эн-Ферро?! — Выдержка у Богзара была хуже, чем у дочери, и он не смог сдержать ни удивления, ни возмущения. — Это ж надо, Лайс Эн-Ферро собственной персоной!

Мариза пропустила гостя в кабинет и, оставшись снаружи, закрыла дверь.

— И чем обязан такому счастью?

— Твой внук пригласил меня на ужин.

— Мой внук? — желчно переспросил хозяин. — То есть своим сыном ты его по-прежнему не считаешь?

— Считаю. Но я думал, право называться его отцом еще следует заслужить.

От этих слов, прозвучавших серьезно и веско, копившаяся годами обида поутихла, и доктор взглянул на позднего посетителя уже иначе:

— Ты за этим пришел?

— Не только.

Идущий осторожно вынул из кармана маленькую пробирку.

— Что это?

— Посмотри сам. Да не на свет! Для чего тебе эта штуковина в углу?

Гиалло зло сверкнул глазами: командуют тут всякие! Но когда воспользовался все же штуковиной, схватился за сердце:

— Ты нашел девочку?

— Да. И ей нужна помощь.

— Ты расскажешь? Расскажешь мне о ней? — На глаза пожилого карда набежали слезы. — Она ведь уже совсем взрослая, да? Двадцать... семь? Как она? Какая?

— Хорошая. Самая лучшая. И ей нужна твоя помощь.

Последнее предложение Лайс произнес едва ли не по слогам, чтобы вернуть расчувствовавшегося медика в реальность. Но нет — те же слезы и идиотская улыбка.

— Богзар! Ты меня понимаешь? Ей нужна помощь, она ждет ребенка...

— Ребенка? — очнулся Гиалло. — Кто отец?

— Не смотри на меня так. Я не могу быть отцом всех детей в Со-пределье.

— Это важно! Он хотя бы человек? Или дракон?

— Нет. Он эльф... Был эльфом.

— О Небо!

— С примесью орочьей крови.

— Эльф и орк?! Демоны, Эн-Ферро! Что за опыты вы там проводите?

— Это не опыты, Богзар. Это жизнь.

Разговор затянулся. Гиалло требовал подробностей, а в конце честно высказал свое мнение:

— Плохая это идея, Лайс. Может быть, со временем, когда она пройдет необходимые тесты, мы изучим вариативность генетических совместимостей и сможем контролировать процесс... Да и не в том мире. На Таре, как я понял, и оборудования нормального нет. Поговори с ней, объясни. Она должна понять.

— Нет, — покачал головой Эн-Ферро. — Это ты пойми: ей сейчас несладко, и ребенок — единственное, что примиряет ее с жизнью.

— Не знаю, — медик нахмурился, — может, и так, но риск велик.

— Поэтому я и прошу тебя помочь. Ты наблюдал ее мать, у тебя есть опыт, и ты...

— И я не смогу пройти на Тар. Кардиостимулятор. Врата ведь не пропускают в чужие миры всякие технические штучки, поди, еще изъять на переходе попытаются.

— Я не знал, — смутился маг.

— Откуда тебе знать? — усмехнулся Гиалло. — Для этого нужно было хотя бы наведываться в колонию. Возможно, будь ты тогда на Юули, в меня не вставили бы эту махину.

— Магия не всесильна, — опустил голову Эн-Ферро.

— Медицина тоже. Так что придется тебе решать проблему с Галлой без меня. Если бы не карантин, мог бы проконсультировать ее на расстоянии, но мир все равно закроют, так что и это решение отпадает. Можно было бы поискать другого врача, но я даже не знаю...

Коммуникатор на рабочем столе доктора тихо щелкнул, и ровный женский голос скромно поинтересовался:

— Папа, а у нас в семье разве больше нет медиков?

— Бездна! — Богзар поспешно выдернул шнур из розетки. — Сто шесть лет девчонке, а до сих пор подслушивает!

— Это Мариза? — подхватился с места Лайс. — Она все слышала?

— Естественно, — пробурчал Богзар. — Любопытная, как кошка!

— Так зови ее сюда, — неожиданно просветлел магистр Пилаг, у которого появилась идея, как разом решить все накопившиеся вопросы.

Тар. Марони

Иногда он приходил сюда. От школы шел по берегу, мимо провонявшего рыбой поселка, и останавливался у разбитой, неизвестно сколько пролежавшей в песке лодки. С этого места хорошо просматривался домик на холме, деревянный сарай во дворе и собственно сам двор, огороженный со стороны залива невысоким заборчиком.

Если магу везло, постояв недолго, он видел выходящую из дома девушку. Несложное заклинание многократно усиливало зрение, и он с удовольствием отмечал темные круги у нее под глазами, бледность на впалых щеках, искусанные губы.

Сначала он хотел убить ее. Выполнить обещание, данное ее дружку-эльфу. Люди, пославшие колдуна в Марони, остались недовольны: лар'элланский принц жив, договоры подписаны. Задание провалено, и всему виной эти двое! Длинноухий уже получил свое. Маг лично участвовал в энергетической съемке с места пожара — подчистил свои следы, убедив остальных в бессмысленности дальнейших поисков, и видел результат: умирал эльф долго, мучительно, как того и заслуживал. А теперь можно было играючи расправиться и с наглой девкой. Ее защита ослабла, и плетение, гарантировавшее ей затяжную агонию, не потребовало бы много сил.

Он сделал бы это, если бы был уверен, что сможет заставить ее страдать больше, чем она страдает сейчас...

Галла

В жизни нет смысла. Жизнь — всего лишь процесс. Вдох-выдох. Поглощение пищи. Регулярное опорожнение кишечника и мочевого пузыря. Сон. Пробуждение. И все по новой.

Жизнь не предполагает, чтобы ею были довольны, не ставит обязательным условием радоваться каждому дню, испытывать наслаждение от еды или видеть сны во время необходимого организму отдыха.

Жизнь не обязывает общаться с окружающими...

Так чего же они от меня хотят? Все эти драконы, карды и люди? Я выполняю ваше желание, я живу. Так сделайте и вы милость — исполните мое, оставьте меня в покое!

— Галчонок, я не могу больше задерживаться. Гвейн недоволен...

Одним меньше. Дядюшка-дракон покидает Тар.

— Не забывай, ты теперь не одна. Нужно держаться.

Я держусь. Вдох-выдох. Завтрак-обед-ужин. Ненавистные яблоки и травяной чай.

— Галла, ты не спишь? Не против, если...

Не против. Мариза приходит каждый день. Мерит давление. Слушает сердце. Один раз взяла кровь из вены. В глаза не смотрит. Вопросов, кроме стандартных, докторских, не задает. Почти не мешает.

— Галчонок, погодка сегодня — прелесть! Прогуляться не хочешь? Мы на вечер думаем в Марони выбраться. Зверинец приехал, хочу Ласси сводить. Давай с нами, а?

С ним трудней всего. Приставил же ко мне шеф заботливого брата — не отделаешься. Зверинец! Еще бы в балаган пригласил, на скоморохов поглазеть!

— Не хочу. Я устала.

— От чего, интересно?

А вот сарказма не нужно. Устала, и все. От жизни. От всех этих вдохов-выдохов, травяных чаев и твоих постоянных попыток меня расшевелить.

— Гал, посмотри на меня.

Смотрю. Подстригся наконец-то. Побрился. Рубашка новая. А вид все равно не очень: осунулся, похудел, плечи поникли, глаза потускнели.

— Ты думаешь, мне легко смириться с тем, что его больше нет? Думаешь, для меня он значил меньше?

Не думаю — знаю. Да, ты был знаком с ним много дольше, чем я. Вы прошли бок о бок десятки миров, делили хлеб и ночлег, печали и радости и поочередно спасали друг друга то от смерти, то от скуки. Он был тебе другом. Твоим воспитанником, учеником, собутыльником, соучастником... А для меня он был всем.

— Тетя Галла! Зря ты с нами не пошла — здорово было! Там

керы карликовые, удав, львы и даже жираф один! Высоченный! А на площади карусель поставили...

— С лошадками?

Лайс-младший. Ласси. Забавный мальчишка и простой до умиления. Он с радостью и без лишних вопросов принял известие о внезапно объявившемся отце. Не вдаваясь в хитросплетения родственных связей, с первого дня стал звать меня тетей Галлой. Поминутно дергался с непривычки, поправляя упрятанный в широкие штанишки хвостик, и использовал любой повод, чтобы влезть ко мне в комнату, полагая, что в жилище у настоящей волшебницы полным-полно чародейских штучек. А еще он всегда и всем доволен. Пришел из технополиса в полудикий мир и ничуть не жалеет: восхищается карликовыми керами и катается на скрипучей деревянной карусели. Радуетя жизни, которая к этому не обязывает.

— Папа мне халвы купил. Хочешь?

— Давай.

Для него я всегда делаю исключение, но все-таки это слишком тяжело, и на долгий разговор меня не хватает.

— Поздно уже, спать пора.

— Хорошо. Я утром к тебе зайду.

Кто бы сомневался.

Лайс был на Юули и привел оттуда это семейство кошачьих: Мариза теперь мой личный доктор, Ласси — просто Ласси. У меня прибавилось родственников, и каждый из них считает своим долгом входить в мою комнату и разговаривать с пустотой.

И это не считая Сэллера, который появляется четко по графику: раз в два дня. Заходит после школы, приносит фрукты или сладости, передает приветы от ребят и рассказывает всякую ерунду...

— ...А Ферт ему говорит, что не получится. И Най тоже. Но Дан не поверил и к Багуру пошел. А тот сказал: можно, если правильно потоки распределить, и формулу ему расписал аж на три страницы. Там столько энергии нужно — никаких накопителей не хватит. А Медведь... Слышишь, Гал? Медведь сказал, что кое-кто мог бы и без накопителей... Ты могла бы...

Я бы, наверное, могла. Только зачем?

— А еще он спрашивал, когда ты в школу вернешься.

Никогда. Нечего мне там делать.

— Три длани еще учимся, а потом выгулки. У нас летние курсы, помнишь? А другие уже практику подыскивают. Целителей всех по лечебницам разберут, кто-то при школе останется...

И так постоянно. Лайс-старший, Лайс-младший, Мариза с тонометром, Сэл со школьными историями. Живи, говорят, держись.

А за что держаться? За кого?

За крошку-головастика, которого я вижу, прикрыв глаза, и в котором только силой дара можно распознать малыша, что появится

однажды на свет? За него? Мало. Ради него? Так я это и делаю. Но снова у меня все не как у людей. У людей — девять месяцев, плюс-минус две недели. А я, видите ли, дракон недоделанный. Мне подольше протянуть нужно. Целый год...

Странная все же штука жизнь. Даже без смысла странная.

Вот сначала как было? Живу я себе в небольшом городке, в НЛО и зеленых человечков не верю, религиозные секты не посещаю — хожу в институт и имею четкое мнение об устройстве мира и своем в нем месте. А после — трах-бабах, и все совсем не так, как вам казалось, Галина Кирилловна. Вот вам врата, пара сотен изученных миров и бессчетное количество в реестры не внесенных — вы у нас теперь открывающая. Мечтали о чуде? А нате-ка! Только учтите, чудеса у нас под строгим контролем: график работы не нарушайте, лишнего не болтайте, Договор соблюдайте, Хранителя уважайте — и будет вам счастье.

И отчего бы на этом не остановиться?

Так нет же, восемь лет пребывала в уверенности, что ничего удивительней со мной уже не случится, и в один прекрасный день слышу от горячо любимого шефа-дракона: «Галчонок, зайди, разговор есть». И снова все становится с ног на голову. Открывающая? Берите выше, Галина Кирилловна! Вы у нас не просто открывающая. Вы, оказывается, на одну половину дракон, а на вторую — плод экспериментов другого дракона, и вам нужно упаковать вещички и мотать в другой мир, где станут вас, уникальная вы наша, магии обучать, потому как таланты соответствующие у вас имеются. А чтобы скучно не было, прихватите-ка с собой господина Эн-Ферро, хватит ему без толку по Сопределью мотаться.

И только-только успеваю свыкнуться с новым статусом...

«Принимай гостей, хозяйка! Это Йоллар».

«Можно Ил...»

И все. И понимаю, что не было до этого в моей жизни никаких чудес. Врата? Магия? Чушь собачья! Самое удивительное, что у меня было, обладало парой острых ушей и несносным характером. Единственное мое чудо. Радость моя ясноглазая.

А теперь что? Теперь как?

Наверное, я смогла бы найти утешение в мести, хотя бы на время, но мне и этого не осталось. Ил прихватил своего убийцу с собой. Ил унес с собой все, что я любила, и все, что могла бы ненавидеть. Ненависть — это ведь тоже чувство? Не самое лучшее, но все же... А теперь у меня нет никаких чувств.

Только чувство долга. Незаконченное дело.

Его даже зовут так — Дэвигард. Дэви.

Прости, малыш, я не смогла придумать тебе другого имени. И не обижайся, но я не хотела тебя. В те минуты, когда я была с твоим отцом, я меньше всего думала о продолжении рода. Точнее, думала и

предпринимала меры, чтобы этого избежать. Коротенькое заклинание, популярное среди тарских чародеек и эффективное как с людьми, так и с эльфами. А у Ила был оберег для таких случаев, тоже магический — тот перстенок с небольшим рубином, что он носил, не снимая... Ходок был твой папочка, малыш, что уж греха таить. Только это давно было, очень давно. До меня... В общем, перестраховывались мы с ним, перестраховывались, да без толку. Потому что не рассчитано было мое заклинание на орков, а его кольцо — на драконов. Мешаная кровь, чтоб ее!

Вот и осталось мне незаконченное дело.

Вот и живу.

Вдох-выдох.

Еще год. И все...

Или нет?

...Белый густой туман вокруг, словно мы внутри пушистого облака.

— Здравствуй, малыш.

— Папа?

— Папа. Хорошо звучит. Мне бы понравилось.

— Это ты? Действительно, ты?

И слезы по щекам.

— Нет. — Теплая ладонь гладит мои волосы. — Не я. Меня уже нет, разве ты забыла?

— Но...

— И не мой призрак, и не тень, вернувшаяся из загробного мира. Я вообще не знаю, существует ли этот мир. Вот и решил перестраховаться. Я воспоминание. Мое собственное воспоминание о себе самом.

— А я?

— А ты — это ты. Настоящая, живая. — Ласковые пальцы стирают со щек соленую влагу. — И плачешь по-настоящему, хоть это всего лишь сон. Последний наш сон, малыш. Эту встречу я планировал на случай, если тебе понадобится помощь или совет, если когда-нибудь тебе будет плохо и ты не будешь знать, что делать. Только я и не предполагал, что тебе будет так плохо.

— Папа...

Прижимаюсь к широкой груди. Обнимаю за шею.

Он такой реальный: от тела исходит тепло, дыхание шевелит мои волосы, а рубашка пахнет хвоей. И руки, такие сильные и нежные, такие родные.

— Поговори со мной. Пусть меня уже нет, но, может быть, в моей памяти ты отыщешь ответы на свои вопросы.

— Я... Это тяжело объяснить словами. Но ты ведь и так все знаешь?

— Знаю. Моя память, твоя память — сейчас они почти неотделимы. И твоя боль так похожа на мою, словно моя судьба перешла к тебе по наследству.

— Не говори так. Это не твоя судьба — моя. Моя глупость. Мои ошибки. И я не знаю, что мне делать теперь...

— Ты справишься, — кивает он уверенно, и светлая челка падает на лоб. Какой же он красивый! Как древний бог. Как дракон. — Ты ведь необычная девочка у меня, малыш. Наполовину человек, глупенький и растерянный. А на вторую — дракон, мудрый и сильный. И этот мудрый дракон всегда будет приходить на помощь глупенькому человечку.

— Где был мудрый дракон, когда глупый человек ломал свою жизнь? — вздыхаю я.

Молчим. Белое облако вокруг нас сгущается, наползает на ноги, пушистой ватой кутает плечи.

— Пойдем со мной, — говорит до боли реальное воспоминание о том, кого давно уже нет.

Рассеивается туман, втягивается в цветные стены, уползает под пол.

— Красиво, правда?

Просторная светлая комната. Два огромных окна плавают в зыбкой лазури невесомых занавесок. Потолок — голубое небо с белыми барашками облаков. Пол — мягкий ковер золотисто-песочного цвета. И по стенам разлито безбрежное море.

— Это должна была быть твоя спальня. Здесь поставили бы кровать в виде кораблика с пологом-парусом. Тут — сундук для игрушек. Огромный пиратский сундук.

— Откуда ты знал? — Снова на глаза набегают слезы. — Про море?

— Я не знал. Это твоя мама. Я сердился, но она ничего не хотела слушать — как только ей становилось лучше, шла сюда. Смешивала краски, взбиралась на стремянку и расписывала потолок, потом стены. Никакой магии. Все по-настоящему... А вторую комнату так и не закончила. Словно предвидела, что в ней некому будет жить. Она не была волшебницей, но всегда тонко чувствовала мир вокруг, предугадывала все наперед. И что случится с ней... Еще с самого начала, когда я сам был уверен, что все будет хорошо...

Он с удивлением проводит по лицу пальцами и долго смотрит на оставшиеся на них капли.

— Я и не думал, что так бывает. Меня ведь нет. Только воспоминания, которыми я хотел с тобой поделиться. Я был уверен, что оставлю тебе лишь это. А свою боль заберу с собой.

— Папочка!

Какие же мы с тобой оба...

— Ты многого не знаешь, — шепчет мне на ухо его память. — Не

знаешь, как я виноват. Я должен был остаться с тобой, она просила об этом, просила не делать глупостей. Но я не хотел ее отпускать...

— О чем ты?

— Ты ведь знаешь, что такое разделенное сердце? Одно сердце на двоих?

Всхлипываю, и стон срывается с губ вместо ответа. Я знаю.

— Это старая сказка, малыш. Красивая и грустная. Наверное, единственная, повторившаяся хотя бы раз в каждом из сопредельных миров. Кроме одного. В мире драконов никогда не было такой сказки.

— Но...

— Нет. Ни один дракон не умер оттого, что лишился своей половинки. Мы не умеем любить так сильно. Это часть нашей природы, знаменитого драконьего иммунитета. Мне было немало лет, малыш. Да что уж там — мне было немало веков. Я простился за это время с таким количеством друзей и возлюбленных, что их хватило бы на то, чтобы заселить целый мир. Это оставляло шрамы на сердце, но каждый раз, когда такой шрам затягивался и грубел, сердце становилось все более и более нечувствительным к потерям и однажды превратилось бы в сплошной, твердый, как камень, рубец. Это было бы правильно. Мы, драконы, все таковы. Мы цельные. Мы не делим души напополам. Мы...

Слова обрываются тишиной, горькой, как слезы его воспоминаний.

— Я был плохим драконом, малыш. А когда встретил ее, понял, что так им и останусь. Был один шанс из тысячи... Слишком мало, но даже будь у меня один шанс на миллион, я сделал бы то, что сделал. Драконы не делят сердце любовью, но они могут разделить свою жизнь силой собственной крови. Даже не разделить, а взять чужую жизнь и привязать ее к своей. Это сложно и требует определенных познаний. Это опасно, потому что проводится подобный ритуал, когда тот, с кем ты хочешь поделиться силой, находится между жизнью и смертью: ваша связь может сыграть злую шутку, и не ты привяжешь к себе уходящего в небытие, а он утянет тебя за собой...

— С тобой так и случилось?

— Да. Когда она умерла, я понял, что мне осталось недолго. И изменить ничего уже не мог. Прости, малыш, я должен был подумать о тебе. Настоящий дракон взвесил бы все «за» и «против» и принял бы верное решение. Но я уже говорил, что никогда не был правильным драконом. Надеюсь, ты поймешь меня.

Я понимаю. И если бы у меня был этот призрачный шанс, я использовала бы его, не задумываясь. Прости, малыш...

— Не повторяй моих ошибок, родная. Не нужно. Ты ведь у меня тоже неправильный дракон. И твоя человеческая половинка у же

протянула между вами крепкую ниточку. А люди... Только люди, малыш, умеют любить раз и на всю жизнь.

— Потому что их жизнь зачастую короче любви.

— Нет. Потому что они люди. И если бы я был жив, то просил бы тебя об одном: отпусти его. Назад ты его уже не перетянешь. А он тебя к себе может. Слишком крепко вы оказались связаны, и я не хочу, чтобы ты ушла вслед за ним.

А я хочу. Безумно хочу к нему в тот чудесный край, что, не сговариваясь, придумали храмовники всех известных миров...

— Не нужно. Поверь мне, в твоём случае это будет еще хуже.

— Почему?

— Потому что только человек потянется за своей половинкой сердца, а дракон останется. Ты же не хочешь, чтобы в тебе умер человек? Отпусти его.

— Отпустить — значит забыть?

— Нет.

— Не думать?

— Нет. Ты знаешь, о чем я.

Он прав, я знаю. Отпустить — разорвать по живому связывающую нас нить, вырвать ее из сердца вместе с надеждой на невозможное чудо. Раз и навсегда сказать себе, что все, что было между нами, навсегда останется лишь тускнеющими с годами воспоминаниями...

Но я не могу так. Слишком нужен он мне, как и эта несбыточная надежда.

— Не играй с судьбой, малыш. И не хорони себя раньше срока. Я верю... Верил бы, будь сейчас жив, что рана на твоём сердце затянется, как и бывает у драконов, делая его сильнее. А та частичка человека, что живет в тебе, снова полюбит так же горячо и искренне.

— Нет, — отчаянно трясую головой. — Любить, разрывая душу напополам, и склеивать разбитое сердце до тех пор, пока оно не обрестет рубцами драконьей безучастности? Не хочу.

И не смогу. Никого уже я не смогу полюбить так, как любила его. Так, как люблю его...

— Прости, малыш. Наверное, все же я слишком дракон, а в тебе так много человеческого, так много от твоей матери. У тебя ее улыбка. Ее нос. Те же тонкие черты лица...

— И твои глаза.

— Глаза — это мелочи. У тебя ее сердце. Человеческое сердце, которое умеет любить по-настоящему.

Мы молчим, и тишина окутывает нас пушистым облаком.

— Ты сказал, что это последний сон.

— Да. Я ведь только воспоминание, которое оставил для тебя, прощаясь. И я не хотел, чтобы это воспоминание заменило тебе живых. Но у нас еще есть время. И здесь, в этом сне, я могу растянуть

его настолько, чтобы рассказать тебе все, что ты должна знать. Я покажу тебе свои миры. Отведу тебя в склеп, где хранится прах твоей матери и брата и где я завещал похоронить себя. Я расскажу тебе о том, чему не научат в человеческих школах волшебства. Надеюсь, тебе пригодятся эти знания. Основы драконьей магии, которая однажды откроется тебе. Главные правила и обряды. Теория создания и управления вратами.

— И магия крови?

— И магия крови.

— Ты научишь меня связывать жизни?

Прекрасный образ светловолосого дракона, чья могила осталась где-то на потерянной Алеузе, наполняется тревогой:

— Зачем тебе, малыш? Я же сказал, насколько это опасно.

— Я знаю. Но я не хочу никого больше терять. Пусть у меня будет хотя бы один шанс из тысячи.

— Хорошо. Но учти, этот ритуал можно провести лишь единожды. Ты не привяжешь к себе всех своих близких — придется выбирать одного. А с остальными учиться расставаться...

Утро смотрится в мое окно, стучит в стекло зеленой веткой, рывается в комнату с криками чаек. И сегодня это совершенно другое утро. И я сегодня совсем другая...

— Нам пора прощаться, малыш. Если у тебя остались вопросы, задавай их сейчас, пока есть время.

— Только один. Почему ты не называешь меня по имени?

— Я зову тебя так, как звал в те три месяца, пока ты была со мной. Имя Галла казалось мне слишком взрослым для такой крохи.

— Ты часто говорил со мной тогда?

— Я непрерывно говорил с тобой. Как еще я отдал бы тебе свою память? Но теперь тебе пора.

— Куда?

— Назад, в жизнь. Только в жизнь, малыш, и никак иначе.

Я не знаю как, папа, но я верю, что у меня получится.

...Выпад. Укол. Медленный отход. Разворот... Нет, не так...

Должно получиться.

...Ноги проваливаются в песок. Колени подгибаются. Рука уже отвыкла направлять удары, и меч дрожит, норовя выскользнуть... Совсем не так...

А как? Как нужно, Ил? Как же я стану жить без тебя, любимый, если даже простейшее упражнение не могу повторить без твоих подсказок, без одобрительной улыбки или очередной шпильки?

...Еще удар. Шаг в сторону. Разворот... Меч обратным хватом.

Лезвие вытягивается вдоль руки, чтобы в следующую секунду со свистом полоснуть по воздуху...

Смотри, малыш, как мама умеет. Только это ерунда по сравнению с тем, как получалось у твоего отца. Жаль, что ты никогда этого не увидишь.

...Выпад...

Нет, увидишь!

Когда ты подрастешь, я отдам тебе часть своих воспоминаний. И не думай, что этого мало. Иногда этого бывает достаточно, чтобы понять очень важные вещи. И вернуться.

...Удар. А теперь назад. И легкий поклон...

Вернуться в жизнь. Только в жизнь, малыш, и никак иначе...

Услыхав крик, Лайс открыл глаза и попытался тут же соскочить с кровати, но не вышло. Потому что кровати не было. Комнату он уступил Маризе, на диване спал теперь Ласси, а сам Эн-Ферро проводил ночи на постеленном в углу гостиной одеяле.

— Пап, иди скорей!

Вот неугомонный мальчишка!

— Ты зачем к тете Галле в комнату влез? Она же говорила...

— Ты посмотри только!

Зачем отпрыск забрался к Галле, непонятно, но то, на что он указывал в распахнутое настежь окно, того стоило.

— Здорово, да?

— Да, — кивнул мужчина, сглотнув подступивший к горлу комок.

Здорово. Она тоже так сказала, когда впервые увидела это. Может, именно тогда и взглянула на нежеланного гостя иначе, не со злостью и раздражением, а с таким же, как сейчас у Ласси, восхищением. Может, именно с этого все у них и началось.

— Пап, а ты так умеешь?

— Нет. Это средний комплекс мечника Школы Огненного Клинка. Этому долго учиться надо.

Несколько лет на Каэлере. Или пару месяцев тайком, где-нибудь в близлежащем лесочке.

— Что у вас здесь? — появилась в дверях разбуженная криками сына Мариза.

— Смотри, — подозвал ее Лайс. — Как думаешь, ей это не вредно?

Женщина поглядела на танцующую на морском берегу фигуру, оценила резкие удары длинного меча, стремительные развороты и глубокие выпады.

— Если не поранится этой штукой, то пока можно. Будем считать гимнастикой для беременных. Только... — Она прищурилась, всматриваясь. — Волосы ее где?

— Что?! — Теперь кард и сам заметил.

— А вон они! — махнул рукой мальчик, не отрываясь от удивительного зрелища.

Взрослые проследили за его жестом и одновременно остановили взгляды на письменном столе, в центре которого свернулась змеей тугая льняная коса.

— Знаешь, Эн-Ферро, — поежилась Мариза, — ей не генетик нужен, а психиатр.

— Не преувеличивай.

Захотелось девочке прическу сменить, с кем не бывает? А вот сложенные тут же на столе аккуратной стопкой книги и тетради — хороший знак: собралась, — значит, в школу пойдет.

Жить будет, значит.

ГЛАВА 2

Галла

Я не строю иллюзий, но все же попытаюсь собрать то немного, что у меня еще осталось, и слепить из него свою новую жизнь. Да, в ней не будет теперь столько тепла и света, потому что гревшее меня солнце закатилось навсегда. В ней не будет уже той безумной любви, что в одно мгновение заслонила от меня целый мир. Но останется этот самый мир. И тысячи других миров Сопределья, в которые приду я однажды. И моя кошачья семья. И мои друзья. И все те, кого я пока не знаю, но встречу когда-нибудь, чтобы впустить их хотя бы ненадолго в свое сердце. А еще в моей новой жизни есть уже замечательный малыш. Неожиданное чудо, живая память о тех днях, которые я не променяла бы и на целые столетия.

— Постой-ка. — Лайс внимательно оглядел меня и удовлетворенно кивнул. — Молодец. Даже я ничего не вижу.

В школе достаточно целителей, способных заметить мое интересное положение, а поскольку драконий цикл не привычные девять месяцев, моя затяжная беременность может вызвать у тарских эскулапов нездоровый интерес. Чтобы не рисковать, я решила скрыть от всех, что жду ребенка. Пока хватает искажающих щитов, а позже, если к тому времени мы не уедем из Марони, придется накладывать еще и зрительную иллюзию.

— Теть Гал, — выбежал на крыльцо Ласси, — ты не поздно вернешься?

— Нет, а что?

— Может, в Улики ходим?

— Девчонки понравились? — предположила я.

Накануне мы с ним побывали у пасечников, купили меда и воска. Пока я, тренируя забытое умение общаться с людьми, разгова-

ривала с Лирой, молодой смешливой хозяйкой хутора, и ее мужем Саем, Ласси играл с их дочерьми. Девочки, одной лет десять, второй не больше семи, и впрямь были премиленькие: рыженькие, синеглазые, с вздернутыми веснушчатými носиками — все в мать. А Лайс-младший в том, что касается прекрасного пола, видимо, удался в отца...

— У них кошка недавно окотилась, — одной фразой развеял мои домыслы племянничек. — Мне потом одного котенка отдадут, пусть только подрастет немного.

— Так у нас еще и котенок будет? Вас мне, что ли, хвостатых, мало?

Достоверно изобразить негодование не получилось, да я и не стремилась, но о том, что в Улики придется идти без меня, предупредила сразу: еще неизвестно, в каком состоянии я вернусь из школы.

— Ты там аккуратней, Галчонок. С отдачей не перегибай и внутренний резерв не задействуй, и...

— Я помню, Лайс. Не волнуйся.

Застоявшийся за три драни Яшка, предвкушая прогулку, радостно перебирал лапами, а чешуйчатая морда расплывалась в несвойственной нормальным керам улыбке. Впрочем, это же мой кер, с чего ему быть нормальным? Едва я взобралась в седло, как он, не дожидаясь команд и понуканий, помчался прочь со двора, хвостом оставляя в дорожной пыли извилистый след.

Наверное, оптимизм ящерики передался и мне. Расправила плечи, сделала глубокий вдох.

Ветер сегодня был восточный и пах не морем, а цветами и травами: горечь полыни мешалась с нежным ароматом душистого горошка и полевых колокольчиков, свежестью дикой мяты и терпкостью тысячелистника, а все это разбавляли знакомые бодрящие нотки сосновой хвои, подхваченные воздушным потоком в ближайшем подлеске.

Школа пахла иначе: камнем и деревом, металлом и кожей, бумагой и чернилами. Она пахла весенней грозой — запах озона сопровождал почти все заклинания Воздуха и открытие телепортационных проходов. Дышала жаром расплавленного металла — давала знать о себе стихия Огня. Вода пахла морем, а Земля — свежеспашанной нивой. Аромат магии, который ни с чем не перепутаешь. И лишь вдохнув этот запах, я поняла, как сильно не хватало мне его в последние дни.

Несмотря на ранний час, во дворе уже собирались ученики, знакомые и незнакомые, но, очевидно, хорошо осведомленные о том, что за девица въехала только что в замковые ворота. Пойманный джевул и сорванное жертвоприношение внесли имя некой Галлы Эн-Ферро в анналы школьной истории. А судя по тому, как многие

отводили сейчас глаза или как стихали разговоры, и ребята переходили на заговорщический шепоток, поджог Посольского дома и смерть одного из эльфийских стражей тоже связывали теперь с этой особой. Вымученной улыбкой поприветствовала меня Лейна, коротко кивнул, приложив к груди руку, и тут же отвернулся Верлан — эти двое еще помнили тот печальный визит на старое кладбище. На мгновение замер у входной двери магистр Келай, и на его обычно бесстрастном лице промелькнуло что-то похожее на удивление. Даже мальчишка-грум, принявший у меня в керсо Яшку, взирал в равной степени смущенно и ошалело: известие о моей кончине произвело бы меньшее впечатление.

По пути к парадному крыльцу мельком бросила взгляд на прислоненную к одной из стен Северной башни лавочку и сама себе не смогла объяснить, что почувствовала в тот момент. Сожаление? Облегчение? Лавочка пустовала.

Пустовали пока еще школьные коридоры, не было толчеи на лестницах. Все так, как я и хотела: минимум встреч, никаких ненужных разговоров. До кабинета Медведя дошла в полной тишине, нарушаемой лишь тихим шорохом моих же шагов и скрипом новой кожаной перевязи, которую я, видимо, неправильно закрепила. Ил ведь всегда нес мечи в руках, когда мы выбирались на свои секретные тренировки. Ил...

Пришлось остановиться, сделать несколько глубоких вдохов и с силой зажмурить глаза. Не сейчас.

Успокоившись, решительно отворила дверь:

— Доброе утро, наставник.

— Я знал, что она вернется, — заявил магистр Триар, опускаясь в продавленное кресло.

— Нужно было поставить на это, — невесело усмехнулся Медведь, — выиграл бы. Вы слышали, что ученики делали ставки на ее возвращение?

— Ставки? — Мара прижала ладонь ко рту. — Какой ужас!

— Да. Сначала на то, выживет она или нет. Потом — вернется ли в школу. Дети бывают невероятно жестоки в своей легкомысленности.

— Детям это простительно, — хмуро встала Кьярна. — А наши ученики давно не дети. Многие из них сами успели стать родителями, и подобное отношение к чужому горю не делает им чести. Мы такими не были, да, Баг?

— Нас учили, что чужого горя не бывает, — ответил со своего места магистр Багур. — И, видимо, у нас были куда лучшие наставники, чем мы сейчас. А мы слишком увлеклись воспитанием магов и забываем воспитывать в них еще и людей.

— Вы правы, — вздохнула целительница. — Помните Алию? А тот

жуткий обряд? Я видела столько смертей, но те мальчишки до сих пор мерещатся мне в кошмарах... А они уже не помнят.

— А если и вспоминают, то лишь как повод для хвастовства, — дополнила Гейнра. — Айна и Верлан до сих пор не могут определиться, кто из них убил того колдуна. Хвала богам, Ферт немного поостыл. В свое время он тоже претендовал на победу в этом споре со своим световым клинком, но, после того как Галла... Как она вообще, наставник?

— Неплохо. Совсем неплохо для человека, на жизнь которого ставили один к четырем.

— Она спрашивала о расследовании?

— Нет. Мы не поднимали эту тему. И просил бы всех придерживаться официальной версии: девочка долго болела. Я не хочу, чтобы по школе ходили сплетни о каком-то наведенном проклятии или, что еще хуже, о ее отношениях с тем эльфом.

— Слухи давно уже ходят, — произнес Багур. — И не только по школе, но и по городу. Но не волнуйтесь, тэсс Мара права, говоря о том, что у нынешней молодежи короткая память. Они забыли об Алии, о Томасе и Кайте. Забудут и это. Тем более впереди выгулки.

— Выгулки, — встряхнулся старший наставник. — Мы ведь собрались обсудить летние курсы, а вместо этого завели разговор о моей ученице. Она, кстати, от занятий не отказывается. А что у вас, списки готовы? Гейнра, Багур?.. Кьярна, тебя не спрашиваю — поедешь к разлому?

— Как всегда, — пожала плечами заклинательница.

— Никос? Виана?.. А куда опять подевался Эвил?

Галла

Все оказалось сложнее, чем я себе представляла, но начало было положено: я выбралась из дома, побывала в школе. Чтобы убедиться, что я не растеряла способности и не выплакала их в подушку, наставник заставил меня выложиться на полную, пройдясь по всем изученным формулам от бытовой до боевой магии. В Малом испытательном дым и пыль стояли столбом, и в какой-то момент мне показалось, что мощи наложенных на стены защитных чар не хватит, и века простоявшая каменная кладка рассыплется в труху.

Но там, в школе, на пределе сил, мне было почти хорошо — я смогла забыть и не думать об Иле. А стоило собрать в сумку книги и проститься с Медведем, как отступившая на время тоска нахлынула с новой силой.

Возвращаться в таком состоянии домой, чтобы вновь запереться в комнате наедине со своей бедой, не хотелось, и, выехав из замка, я направила кера в сторону города. Нет, не спешила встретиться с друзьями, с которыми разминулась в школе: к этому я была еще не

готова. Прежде чем начать новую жизнь, следовало проститься со старой. Я и отправилась. Прощаться.

Недавно в Марони появился новый парк. За одну ночь выросли на месте сгоревшего посольства стройные красавцы-тополя и раскидистые клены. После разбили несколько клумб, на которых взошли и тут же расцвели пышным цветом азалии и герань. Наши маги-садовники знают свою работу. Здесь очень красиво. Только вряд ли это место облюбует для своих свиданий молодежь, а мамочки и нянюшки никогда не приведут сюда звонкоголосых малышей. Этот зеленый парк — самое прекрасное на свете кладбище.

И пусть тут нет могил и надгробий, но есть гладкий серый камень в конце аллеи.

Я спешила и опустилась на колени рядом с гранитной плитой. Коснулась пальцами нагретой на солнце поверхности. Ни имени, ни дат. Прислушалась к себе и с удивлением поняла, что не чувствую ничего... Ничего нового: привычная боль, знакомая грусть. Это место ничего не меняет. Оно чужое и пустое, и ничто тут не напоминает о *нем*. И этот камень все-таки не надгробие.

Мне даже могилы твоей не осталось, любимый...

Я взобралась в седло и сама не знаю как — то ли по какому-то наитию, то ли свернула не туда на одном из перекрестков — минут через десять оказалась на Храмовой площади. Огляделась и, вместо того чтобы ехать дальше, остановила Яшку у смотря. Вспомнила, как мы с Илом гадали, как на Таре называют коновязь, если коней тут заменяют ящерицы, а потом узнали у Лайса: смотреть. Одинокая слезинка все-таки сорвалась с ресниц. Я утерла ее рукавом, сунула присматривавшему за керами мальчишке положенную красенькую и снова осмотрелась, решая, куда идти теперь.

На огромной, мощенной булыжником площади мирно соседствовали пять храмов, ведь местные боги приходились друг другу братьями и сестрами, не имели повода для ссор и по-родственному делили приход. На небольшой рукотворной возвышенности стоял храм Илота — верховного божества тарского пантеона, покровителя всего и всех. При могуществе означенного кумира непонятно было, зачем нужны еще четверо. Видимо, для того, чтобы не загружать его верховенство мелкими проблемами. К Илоту шли по большим праздникам и просили, как правило, чего-то большого и светлого, вроде мира во всем мире. А за такой ерундой, как хороший урожай, удачная торговля или здоровое потомство, обращались к Сане Всемилостивой. Ее святилище располагалось справа от главного храма. А слева возвышалась обитель Мигула, бога случая. Этот тоже не страдал от недостатка просителей: как известно, случай решает многое.

Но все же особым почтением пользовались младшие члены бо-

жественного семейства, чьи святилища, построенные бок о бок, замыкали храмовый круг. Точнее сказать, пятиугольник.

На высоких ступенях храма Аурэли толпились женщины всех возрастов и сословий: спешили опустить мзду в ящичек для пожертвований и бросить бумажку с именем возлюбленного в специальный чан. Эти записки сжигались жрецами на торжественной службе, чтобы просьбы о взаимной любви вместе с дымом унеслись в небеса и достигли жилища пресветлой матери ауров. Были среди почитателей Лучезарной и мужчины. В храм Аурэли бегали даже чародейки-атеистки. Но мне в нем делать нечего. Во-первых, поздно и бесполезно молить о том, что разрушила своими руками. Во-вторых, в святилище нельзя входить с оружием. Я машинально нащупала шершавую рукоять. Только в обитель одного божества меня впустили бы с мечом в два гиара, ибо и сама богиня красовалась почти с таким же на каждом известном изображении. Омста. Сестра-близнец Аурэли, уважаемая и почитаемая не менее чем та, а то и более: ведь любви порой удается избегать всю жизнь, а от смерти никуда не денешься.

Служители в длинных кроваво-красных мантиях вежливо поклонились, проговорив невнятные слова благословения, я ответила легким кивком и прошла в центр огромного, озаренного тысячей свечей помещения. Прямо напротив массивной входной двери возвышался алтарь, а по обе стороны от него красовались яркие, величиной во всю стену фрески. Справа — золотоволосая красавица пронзает мечом рухнувшего на колени рыцаря — Омста Карающая. Слева — она же с благостной улыбкой протягивает руки к распростертому на постели больному — Омста Милосердная.

Знаешь, Ил, по-моему, здесь не хватает еще одного изображения: та же девица, только в ластах и акваланге поверх вечернего платья, в бигуди и с сачком вместо меча. И называться она будет...

— Омста Нелепая, — прошептала я.

— Омста не бывает нелепой, — произнес кто-то рядом со мной.

Ожидая увидеть преисполненного укора храмовника, я повернулась, на ходу придумывая оправдания, и вздрогнула, наткнувшись на серьезные черные глаза.

— Тэр Салзар?

— Здравствуйте, тэсс Галла.

Я была уверена, что некромант уехал в Азгар с эльфами.

— Омста не бывает нелепой, — повторил он. — Она бывает... Пожалуй, я лучше покажу вам. Пойдемте к той нише.

Преподавать мне новый урок при каждой встрече, видимо, вошло у Ворона в привычку.

— Игры богов, — кивнул он на скрывавшуюся в стенном углублении фреску: хитро прищурившийся юноша вел за руки двух девушек с завязанными глазами. — Это Мигул — бог случая. Иногда он

берет своих сестер Аурэли и Омсту и, закрыв им глаза, водит по миру. Тот, кого коснется рука Лучезарной, получит счастье в любви, а тот, до кого дотронется Неизбежная... Иногда случается так, что одного и того же живущего по очереди касаются обе богини, и тот, кто вчера купался в тепле и ласке, сегодня покидает этот свет по воле шутника-случая.

Да уж, шуточки у вас, всемогущие.

— Спасибо за рассказ, тэр Салзар, но мне пора.

— Галла, вы...

— Простите, магистр, но я не хочу говорить с вами. Ни сейчас, ни когда-либо. Не во всем можно винить богов, как и не во всем на них полагаться. Однажды я пришла к одному магу, наделенному властью и полномочиями, и попросила о помощи. Попросила дать мне шанс отыскать сбежавшего колдуна, чтобы защититься самой и защитить своих друзей. Но человек, к которому я обратилась, отказал мне и заверил, что тот колдун никому уже не причинит зла... Вы правы, Омста не бывает нелепой. И нельзя обвинять богов в том, что они выполняют свое предназначение. Но было бы куда лучше, если бы и некоторые люди выполняли свое.

— Тэсс Галла...

— Можете пойти к наставнику и пожаловаться на мою непротитительную грубость. Но я повторю эти слова и при нем. Вы не справились со своими обязанностями, тэр дознаватель. А сейчас, должно быть, пришли поблагодарить свою покровительницу за то, что она удовлетворилась жизнью безвестного гитаэлле, вместо того чтобы прихватить лар'эланского принца. Ведь в противном случае вы выслушивали бы упреки уже не от меня.

Я бросила серебрушку к ногам Омсты Милосердной и пошла к выходу.

Да, возможно, я несправедлива к нему. Но жестокие боги слишком далеки и эфемерны, а корить за случившееся одну себя я уже устала...

На следующий день я поинтересовалась у наставника причинами, задержавшими Ворона в Марони. Встречи с некромантом были мне неприятны, и я надеялась, что тэр Марко порадует меня известием о его скором отъезде.

— Мастер Салзар задержится на какое-то время, — не оправдал моих ожиданий Медведь. — Хочет выяснить все обстоятельства. Осталась масса вопросов. Как магистр Феаст смог обойти защитные столбы, не было ли у него сообщников в городе. К тому же мне кажется, его не ждут при дворе.

Губы сами собой скривились в злорадной ухмылке.

— Не только из-за этого дела. — Моя гримаса не осталась незамеченной. — Долгие годы тэр Салзар пользовался доверием короля,

и если не стал его личным магом, то, думаю, лишь из-за своей специализации. Некромант у трона — это было бы... мм... странно. Поэтому, когда прежний королевский маг отошел от дел, Дистен Пятый нашел другого кандидата на это место. И говорят, у мастера Салзара не сложились отношения с новым придворным чародеем... Чародейкой.

Наставник пересказывает столичные сплетни? Что-то новое.

— Тэсс Беата несколько... Впрочем, о чем это я? Она талантливейший маг и пример того, каких вершин может в наше время достичь женщина, невзирая на молодость и недостаток опыта. И, к слову, вовсе не обязательно ехать в Азгар, в Марони тоже можно найти достойное применение своим способностям...

А вот эта тема была мне хорошо знакома, и я поспешила ее сменить, напомнив Медведю об основной цели своего пребывания в его кабинете. Учиться, учиться, учиться... А достойную работу оставим тем, в чьи планы не входит через год покинуть этот мир.

Наверное, можно было бы сказать, что жизнь понемногу входила в прежнее русло, но все же это была новая жизнь, и текла она теперь, пробиваясь по новому, еще неизведанному пути. Не все было гладко, и далеко не все давалось без усилий, но что-то уже получалось. Я вернулась к занятиям, стала встречаться с друзьями, пусть пока только в школе, уклоняясь от приглашений в гости и совместных вылазок в какой-нибудь кабачок, но мы общались, и я даже могла смеяться над шутками Ферта и мальчишескими выходками Ная.

А дома меня спасал от тоски Ласси. Проводя время с ним, я не позволяла себе предаваться унынию. Конечно, была еще ночь, когда я оставалась наедине со своим горем... Но куда светило солнце, я радовалась... Заставляла себя радоваться этому свету. Мы с малышом ходили в Улики, носили гостинцы рыжим девчонкам и проводывали котят, один из которых вскоре должен был перебраться в наш дом. Сразу я удивлялась, почему племянник предпочитает дружить с девочками, а не прибьется, к примеру, к ватаге сорванцов из Рыбацкого, но объяснение не заставило себя ждать.

— Хорошо им...

Мы сидели за установленным во дворе под грушей столом, и Ласси с завистью глядел на залив, туда, где плескалась шумная — даже до нас долетали радостные вопли — ребятня.

— У нас моря нет, — вздохнул мальчик. — Только речка. Мелкая. Бассейн есть, конечно...

— Бассейн — это не то, — поняла я и обернулась к скучающему в сторонке братцу. — Лайс, а можно как-нибудь... Ну ты же ходил... в город...

На скамеечке у крыльца сидела с книгой Мариза, и обсуждать

при карди похождения ее супруга, пусть и фиктивного, мне не хотелось. Да и не при Ласси выяснять, каким образом папа прятал хвост, отправляясь в гости к добрым безотказным тетям.

— Иллюзия, — без лишних уточнений понял меня Эн-Ферро. — Для Ласси это пока сложно. И, честно говоря, смысла не вижу: берег большой, укромное местечко найти не проблема.

И мы тут же отправились на поиск.

Господин магистр не пожелал составить нам компанию, зато, к моему удивлению, вызвалась Мариза. И я впервые задумалась, каково приходится ей в незнакомом мире, в чужой семье. Лайс не баловал фиктивную жену вниманием, Ласси все больше времени проводил с отцом, перенимая сложное искусство магии Пилаг, или гулял со мной по окрестностям, а я в свою очередь была неприхотливым пациентом. Скучно, наверное.

Когда мы, пройдя вдоль берега, отыскивали уединенный пляж, скрытый от дороги разросшимися кустами, а со стороны моря — небольшим зеленым мысом, и Ласси, скинув одежду, с ходу бросился в воду, я подседа к устроившейся на песке женщине.

— Давно хотела спросить: как тебе здесь, на Таре?

На самом деле вопрос созрел не более получаса назад, но мой интерес был искренним.

— Нормально, — ответила она сдержанно.

— Но здесь все по-другому, я думала...

— Что здесь по-другому? — прервала меня карди. — То, что воду в умывальник нужно заливать ведрами, а вместо центральной канализации выгребная яма?

— Я имела в виду твою жизнь. Для тебя ведь, наверное, многое изменилось.

— Немногое. Приходится прятать хвост под юбкой и греть келс... то есть чай на открытом огне, а в остальном все то же. У меня на Юули были только работа и сын. Ласси тут, работа, — она выразительно посмотрела на меня, — тоже есть, так что все в порядке.

По ее голосу я бы так не сказала.

Мариза заметила мою скептическую улыбку и решила дополнить ответ:

— Я пришла на Тар, потому что здесь у Ласси есть шанс выучиться и стать настоящим магом, а я сама могу приобрести бесценный опыт и новые знания, наблюдая твою беременность. Не обижайся, но ты с самого рождения и даже еще до него — один большой эксперимент. И кто-то должен следить за его ходом.

Предельно честно и ясно. Доктор Гиалло — удивительно целеустремленная и практичная женщина, и стоит удовлетвориться ее ответом. Все останутся довольны: Эн-Ферро получил сына и ученика, Ласси — отца и наставника, Мариза — новый медицинский опыт, а я — высококвалифицированного консультанта. Когда ро-

дится Дэви, мы пожмем друг другу руки, вежливо попрощаемся и разбежимся по разным мирам.

Раньше я поверила бы в это и даже обиделась. Но, наверное, я поумнела и наконец-то повзрослела. Ей действительно грустно и одиноко, сын уже не нуждается в ней так остро, работа не требует повышенного внимания, а чужой мир — это все же чужой мир, и нужно прожить в нем не один день, чтобы перестать замечать разницу между выгребной ямой и центральной канализацией. Меня, кстати, до сих пор смущает данный аспект.

Но откровенничать со мной карди не собиралась, и, поняв это, я решила прибегнуть к маленькой магической хитрости. Да, дети Пилаг надежно защищены от сканеров, но ведь это не значит, что они совсем не поддаются ментальному воздействию? Можно попробовать не вытягивать мысли, а внушать их. Даже не мысли — образы, ощущения. Как насчет аперитива перед ужином? Иллюзия легкого опьянения: краски ярче, мир прекраснее... Малознакомая драконица-полукровка сгодится не только для научных экспериментов, но и просто поболтать...

Не знаю, на какой бесценный опыт рассчитывает Мариза, но я уже обогатилась новыми знаниями: работа с сознанием карда требовала повышенной концентрации и нестандартных решений. В какой-то миг женщина что-то почувствовала и неосознанно попыталась отгородиться от меня. Маг, вроде Лайса, в момент отсек бы чужеродное вливание, но доктор Гиалло не обладала даром, и спустя пять минут мои старания увенчались успехом. Карди расслабленно выдохнула и откинулась назад, подставляя лицо солнцу. Так она еще больше походила на кошку и, казалось, вот-вот замурчит.

— Лайсу... Моему Ласси действительно нужно учиться, — сказала она, еще пытаюсь придерживаться сдержанно-отстраненного тона. — Маг для колонии — это очень важно. У папы были проблемы с сердцем, провели ряд операций, а закончили вживлением кардиостимулятора. Говорили, что в храмах Пилаг подобные заболевания исцеляли без хирургического вмешательства...

— Поэтому ты и согласилась на это?

— На это? О чем ты?

Похоже, я впустую потратила силы на «аперитив», так как выбрала неподходящую тему для беседы, но отступать было поздно.

— О том, чтобы родить потенциального носителя дара Пилаг, — выдала я скороговоркой. — Но ты же врач, и я думала, что в этом проекте ты должна была играть другую роль. Наблюдать, консультировать. А родить мог бы и кто-то другой...

Не лучший способ исправить ситуацию: я и впрямь разучилась общаться с людьми. И с не людьми тоже.

Но Мариза лишь улыбнулась моей бестактности.

— Ох, Галла, ты так говоришь об этом. Проект! Посмотри на

него. — Она помахала плещущемуся у берега сыну. — Разве он какой-то там эксперимент?

— Нет конечно же. — Я не стала напоминать ей, что не так давно она назвала экспериментом меня.

— Вот именно! И нельзя к этому относиться так, как наше мудрое правительство. Маг им, видите ли, был нужен! А ты знаешь, что они хотели «запустить в производство» десяток младенцев и поглядеть, что из этого выйдет?

Лайса удар бы хватил — вот что!

— Эн-Ферро дал согласие на одного. Тут же начали подбирать мать. Даже не мать — инкубатор. Пусть только родит, а там мы сами разберемся. Нормально, да? А я... Я хотела ребенка...

— Ради ребенка подписываться на участие в спецпроекте? — не поверила я. — Можно же было и так родить... Наверное.

— От кого? — скривилась женщина.

— Неужели не было вариантов?

— Были.

— Такие... Никакие? — посочувствовала я, припомнив собственный свой опыт общения с мужчинами до знакомства с Иолларом. Ни с одним из бывших я не решилась бы завести не только общего ребенка, но и совместного хомячка.

— Почему никакие? Просто не те.

— Не тот, — догадалась я.

— Наверное.

— А этот тот, — дала я волю любопытству, — он существует или это набор эталонных качеств с ярлычком «Идеальный мужчина»?

— Есть ли он в реальности или я его придумала? Наверное, и то и другое.

— Это как?

То ли эффект моего вмешательства в ее сознание оказался сильнее, чем я рассчитывала, то ли ей самой нужно было выговориться.

— Сложно объяснить. Был один парень, папин приятель, я знала его, когда была еще ребенком. Тогда он часто к нам заходил, приносил мне какие-нибудь сладости или безделушки из других... Из других мест. Он много путешествовал, рассказывал обо всем интересно...

— И красивый, наверное, был безумно.

— Да, — улынулась она совсем по-девичьи. — И знаменитый. О нем в газетах писали, в журналах...

А она вырезала статьи и фотографии, клеивала в альбомчик, дорисовывала вензельки и сердечки и прятала это сокровище куда-нибудь под подушку.

— А потом?

— А потом я выросла. Выучилась. Сначала на педиатра. Работала в детской клинике. Встречалась с другими мужчинами. Однаж-

ды чуть было не вышла замуж, но вовремя одумалась. А дальше... Я тогда серьезно заинтересовалась трудами отца, он у меня генетик. Стала ассистировать ему. Но не хватало элементарных теоретических знаний, и я решила, что неплохо было бы получить второе образование. Вновь пошла в академию...

— А он там преподавал!

— Нет. Иногда читал лекции на отдельные темы, медицина не его специальность.

— Но вы встретились?

— Да.

— И?

— Встретились. Провели вместе одну ночь и разошлись.

— И ты это так оставила?!

— Как? — усмехнулась она печально. — Для него это был незапоминающийся эпизод, а для меня... Прозрение, что ли? Он оказался совсем не таким, каким я его себе представляла. Не хуже, не лучше — просто другим. И я поняла, что совсем ничего не знаю о нем. Привлекательная внешность и яркая биография — слишком мало для серьезных чувств, а все остальное я сама для себя придумала. Глупо, да?

— Нет.

Я полюбила мужчину, с которым была знакома всего пару месяцев. Не за внешность, хоть он и был красив, как бог, не за интересное и насыщенное прошлое, прожитое в десятках сопредельных миров. Любить за что-то, наверное, в принципе невозможно. Любовь не нуждается в причинах и не требует оправданий. Она не бывает осмысленной и рациональной, а в противном случае это уже не любовь.

— Нет, не глупо. И если ты все еще его любишь, нельзя это так оставлять, нужно сделать что-нибудь. Не знаю, что именно, но что-то...

Да уж, только мне и давать подобные советы. Сама поверила нелепому наговору и не придумала ничего лучше, чем изображать из себя бездушную гордячку, когда он сам пришел. Как легко теперь рассуждать и доказывать другим, что за свои чувства надо бороться, что нельзя отступать, сомневаться, а нужно хвататься за каждую, даже малейшую, возможность быть рядом с любимым. Случайная встреча, короткий разговор... Не запомнившаяся ему ночь. Наверное, Мариза сама это знает.

— Искупаемся? — предложила она.

— А мне можно?

— Почему бы и нет? Если, конечно, белье позволяет. — Она скосила глаза на Ласси.

Белье, мало чем отличавшееся от привычных для уроженцев техномиров купальников, позволяло, и второй раз в жизни мне до-

велось увидеть кардовский хвост. Маризе он, если можно так выразиться, необычайно шел: пепельно-серый, на тон темнее ее волос, длинный и изящный, словно тщательно подобранный аксессуар. Когда карди входила в воду, она боязливо поджимала его к спине, а выходя, отряхнулась, фыркая как заправская кошка.

Потом мы лежали на теплом песке, любясь плывущими над морем облачками и думая каждая о своем. Не знаю, какие мысли посетили в тот миг Маризу, а я пыталась представить себе свою дальнейшую жизнь. Жизнь без него...

— Мариза, а быть матерью — это как?

Она приподнялась, взглянула на меня, сперва удивленно и непонимающе, но в следующую секунду лицо ее разгладилось, и его озарила светлая улыбка:

— Это чудесно.

— И ради этого стоит жить?

— Ради этого стоит сделать все, что будет нужно. Жить — значит, жить. Умереть — значит, умереть. Ты поймешь это, когда увидишь своего ребенка.

— Я уже его вижу, — похвастала я. — Хочешь, и тебе покажу?

— Хочу! — загорелась карди, не задаваясь лишними вопросами.

— Не уверена, что хорошо получится, ты же не маг. Лучше глаза закрой.

Я вызвала в своем мозгу изображение крошки-головастика и положила руку на лоб женщины. Теперь передача...

— Ой, — вздрогнула она.

— Ну как?

В какой-то мере я уже ощущала себя стандартной мамашей, выставляющей напоказ свое чадо в ожидании хвалебных отзывов. Только что должна сказать Мариза? Это самый чудесный эмбрион из всех, что она когда-либо видела?

— Поразительно, — выдохнула она. — Это лучше, чем ультразвук. Будешь показывать мне его каждый день. Тебе ведь это не сложно? Тогда дома покажешь еще раз, я запишу кое-что.

Милая молодая женщина разом пропала, уступая место солидной докторше. Видимо, «опьянение» уже сошло на нет.

Но, думаю, в дальнейшем мы сможем общаться без подобных уловок.

Прежде чем уйти, я ненадолго задержалась: сплела заклинание отвода глаз и накинула невидимую паутинку на облюбованный нами пляж — теперь никто не забредет сюда случайно. Это будет наше место. Частная купальная зона семьи Эн-Ферро.

А в выходной приведу сюда ребят. Можно будет устроить пикник. Пообщаемся нормально. Попробуем, по крайней мере.

Море, жаренное на костре мясо, сухое красное вино и веселая компания. Тебе бы понравилось, Ил...

К этому разговору я готовилась несколько дней. Мысленно строила нужные фразы. Тренировалась произносить их перед зеркалом. Чтобы голос не дрогнул. Чтобы слезы не брызнули из глаз.

— Я хотела поговорить с вами, наставник.

— Слушаю тебя, Галла.

— Во-первых, хочу поблагодарить вас за все. За вашу тактичность. За то, что все эти дни избегали болезненных для меня тем. Но сейчас, когда прошло уже столько времени, я бы хотела узнать, что случилось в посольстве.

В отличие от меня Медведь не был готов к этой беседе.

— Я уже говорил тебе, что мы сами не знаем, как магистру Феасту удалось обойти столбы, — начал он. — Магистр Салзар еще разбирается с этим вопросом.

— Расскажите, что было после столбов. Я знаю, что есть какая-то запись...

— Да. Там... Нам не удалось сделать качественную съемку. Пришлось задействовать почти всех магов и обратиться к памяти стихий, но образы получились нечеткими. Виден момент проникновения мага и его сообщников в здание. Видно, как они разошлись в разные стороны. Потом... Потом встреча... погибшего сидэ и магистра Феаста. Не могу с уверенностью сказать, что сделал эльф, но вскоре после того, как они сошлись, взорвалась первая бомба и один из людей погиб. После — алая вспышка — была пролита кровь. По-видимому, сидэ удалось использовать свой дар, вызвать мечи и ранить колдуна. Тот был какое-то время жив, но потом его искра растаяла в огне. А потом...

Потом огонь поглотил и другую искру...

Наставник с трудом подбирал слова, избегая лишних описаний и ни разу не назвав Иоллара по имени. Наверное, он считал, что мне больно будет слышать его. А мне было больно и обидно, что моего любимого называют просто эльфом или сидэ, словно стирая из истории и его имя, и его роль во всем случившемся. А если точнее — во всем не случившемся.

— Вероятно, Феаст собирался подложить в Посольский дом несколько бомб и активировать, когда принц Кэллиан вернется с приема. Сама понимаешь, к каким последствиям это могло привести.

— Понимаю, — выговорила я, впинаясь ногтями в ладонь, чтобы не сорваться на постыдный плач. — Смерть своего посланника Аэрталь вряд ли простила бы. В отличие от... какого-то эльфа. Представляю, как вздрогнул Азгар, когда его величество и высокое дворянство в полном составе облегченно вздохнули.

— Не нужно так, Галла.

— А разве я неправа, наставник? Разве все, включая нашего доброго герцога, не порадовались такому удачному повороту событий? Разве занятые в поимке Феаста маги и дознаватели не остались до-

вольны, узнав, что не нужно бегать за неуловимым колдуном по всему Каэтару, так как этот самый безвестный эльф успел перед смертью выполнить еще и их работу и убил злобную тварь? Интересно, что они написали в своих отчетах?

— Правду, — глухо прервал он мою гневную речь. — Во всех рапортах написана только правда, и приложен кристалл с записью с места событий.

— Мне... Мне можно будет ее посмотреть?

Я ожидала, что он откажет, но Медведь вдруг согласился.

— Но она у меня в другом месте. Завтра... Нет, завтра церемония, и у меня много дел, извини. Придешь с утра, и мы вместе посмотрим.

Удивительно, но после этого недолгого, но трудного для меня разговора я нашла в себе силы продолжать занятия. Я теперь должна быть сильной, солнце мое.

Копия сделанной на месте пожара записи была у Марко здесь, в кабинете. Но он не хотел, чтобы Галла ее увидела. Девушка еще не отошла от потрясений, и отпечатавшиеся в кристалле события стали бы для нее новым ударом.

Медведь помнил, какой шок испытал сам, впервые просматривая стоившую немалых трудов съемку. Ужас пробирал от одной мысли, каково это — сгорать заживо в течение долгих тринадцати минут, ровно столько понадобилось искорке-ауре, чтобы исчезнуть полностью. Эльфа не убила боль, он не задохнулся в дыму, и любой из волшебников, просматривавших в этот день запись, мог поклясться, что сидэ Йоллар был еще в сознании, когда плоть его должна была обуглиться уже до костей... Избавьте боги от подобной смерти!

Старший наставник вынул из сейфа деревянную шкатулку, открыл крышку и вложил извлеченный из тайника кристалл в руку стоявшей перед ним женщины:

— Ты знаешь, что делать, Лона.

Чародейка склонила голову в знак согласия и растворилась в серебристой дымке, оставив по себе сладковатый запах духов...

Галла

Вытащить друзей на пляж оказалось не такой уж плохой идеей. И повод был — окончание первого учебного года. В четверик в школе прошла торжественная церемония: выпускникам вручали перстни и лицензии, а в весел мы с ребятами, встретившись у портала и нагрузив на Яшку сумки, топали на побережье.

Ненадолго заглянули к нам. Во дворе сидела с книгой Мариза. Пользуясь случаем, я познакомила ее с одноклассниками. Новоиспеченная тэсс Эн-Ферро крутанула на пальчике колечко-переводчик,

и я со стороны оценила работу созданного Хранителями артефакта: никакого акцента, ни малейших признаков магии. Пойманный за шкуру Лайс-младший безо всяких амулетов вполне сносно выговорил: «Добрый день» на каэрро.

— А здесь хорошо! — оценила пляж Алатти.

— А то! Под деревом дрова для костра, мы с Ласси с вечера привезли, а между стволами можно гамак повесить.

— Гамак мне! — нагло заявил Най.

— А еще можно тент натянуть.

Доктор Гиалло настоятельно рекомендовала не перегреваться и долго не загорать. Кстати, забыла поинтересоваться у Лайса, как здесь (то есть в каком виде) принято загорать и купаться, и принято ли.

Принято: Ферт уже стянул рубашку и сапоги и расстегивал широкий кожаный пояс...

— Ридо, ты с ума съехал?! — накинулась на него Милара.

Не принято.

— А что? Мы сюда пришли, чтобы в одежде париться? У нас на Саатаре, на водопадах Ал-Кари, вообще голышом купаются. Но ты не бойся, до такой степени я тебя пугать не стану. Бельишко оставляю.

Ясно: на Саатаре можно, на Каэтаре нельзя.

— Ой, чем ты там можешь напугать, Ферт? — усмехнулся Найар Кантэ, по примеру друга избавляясь от одежды.

Мила покраснела и резко прониклась любовью к морским пейзажам, залюбовавшись чем-то у самого горизонта. Алатти, напротив, с интересом разглядывала обнажающихся парней. Риса как ни в чем не бывало продолжала расстилать на облюбованном пятачке принесенные из дому покрывала. А Вришка...

— Красота-то какая! — Тэсс Тини Ал-Ази, графиня Каронга, забросила на ветку голубенькое платьице и вприпрыжку помчалась к воде.

Милара из нежно-розовой превратилась в насыщенно-свекольную. Алатти хмыкнула и принялась расшнуровывать корсаж. А Фертран как раз расправился с тугой пряжкой, и ничем не поддерживаемые штаны упали на песок, пока полуэльф ошалело глядел на целительницу, энергичным кролем удаляющуюся от берега.

— Штаны подбери, — посоветовал ему Най. — Челюсть тоже.

Молодежь — везде молодежь. В любом мире, на любом материке, при любом законодательстве и вероисповедании в восемнадцать лет прийти на пляж и не искупаться, просиживая на солнцепеке в полном обмундировании, может только... Наша Мила!

— Мил, ты чего? Все же свои.

— Ага, — она чуть ли не плакала, — сейчас вы разделитесь, а после напьетесь и начнете всякие там...

— А ты хочешь? — заинтересованно уточнил Най.

— Дурак! — завизжала провидица.

— Тогда не будем, — успокоил он ее.

— Мил, не дури. — Я пнула наглеца под зад и обняла девушку за плечи. — Что мы начнем? Ты же ясновидящая, должна чувствовать. Все в порядке. И вполне прилично. Ты огненных орков в национальных костюмах видела? В этих их кожаных юбочках? У наших мальчишек порты длиннее.

— У орков еще безрукавки и оружие...

— Ну хочешь, мы Наю меч дадим, пусть с ним ходит? Так будет лучше?

Милара с сомнение покосилась на тэра Кантэ, который как раз решил пройтись по песочку на руках.

— Вряд ли.

— Вот-вот. Так ты как, раздеваешься или будешь жариться на берегу, когда все пойдут купаться?

— Я плавать не умею, — опустила она глаза.

— И необязательно. Можно просто окунуться. В такую-то жару!

— Э-э...

— Давай, раздевайся, и пойдём топить Ная.

От такого предложения она не отказалась. Правда, уже в воде выяснилось, что парень, которого я, нырнув, дернула за ноги, а Милара подтолкнула в спину, не Най, а Сэл. В отместку он вызвал волну с человеческий рост и накрыл нас обеих, а заодно и ни в чем не повинных Дана с Рисой. Данвей в свою очередь вспомнил, что он тоже адепт Воды, и организовал Сэллери персональный водоворот, в который затянуло еще и Алатти. Маркиза Весара вынырнула и, отплевываясь, пообещала вскипятить море и сварить грубияна живьем, на что Риса, заступаясь за возлюбленного...

Было так весело... Что хотелось разреветься. И я не придумала ничего другого, кроме как заплыть подальше от берега, туда, где крики чаек и шорох волн заглушали радостный смех. Легла на спину и уставилась в бездонное небо.

Мне плохо без тебя, Ил. И я безумно хочу к тебе...

Море подо мной услужливо распахнуло ласковую глубину, невысокие волны подталкивали, накрывая соленой водой лицо, и в один бесконечный миг тело утратило равновесие, и я начала медленно опускаться на дно...

— Устала?

Вода вдруг сделалась упругой, превратившись в удобный матрас. Рядом, в импровизированном кресле, обнаружился Сэллер.

— Ты хорошо плаваешь, но не стоит забираться так далеко.

А я бы хотела оказаться еще дальше...

— Гал?

— Сегодня ровно месяц, Сэл.

- Я помню.
- Всего месяц, а я веселюсь как ни в чем не бывало.
- Ты не веселишься, только делаешь вид.
- Иначе у меня теперь не получается.
- Всему свое время.
- Ты думаешь?
- Я надеюсь.

Выбравшись на песок, вытершись и завернувшись в полотенца, начали подготовку к предстоящему банкету.

Най выкопал неглубокую ямку и сложил дрова для костра, подкnuв кое-где пучки сухой травы.

— Спички кто-нибудь взял? — повернулся он к нам.

В ответ на эти слова в сухое дерево ударили разом четыре огненных разряда. Алатти, Риса, Ферт и... Вришка? Чему их только на целительском учат? Стоящего у мангала парня обильно обдало копотью.

— Уже и пошутить нельзя, — с деланой обидой пробурчал он, прежде чем с разбега сигануть в море.

— Ты улыбнулась, — отметил сидящий рядом со мной Сэллер.

— Да, — не стала отрицать я. — Не устаю удивляться, какие вы все-таки разные.

— Наверное, — нахмурился он. — Най отказался от летних курсов.

— Как? — растерялась я.

— Просто, — ответил за брата вернувшийся после омовения Найар. — Пошел к Багуру и попросил вычеркнуть меня из списков. Лишать себя отдыха, чтобы получить шанс перейти сразу на четвертый год?

— А чем плохо?

— Ты девчонок их видела? Ужас! А на нашем — сплошь миллашки.

— Най!

— Ну ладно-ладно. Шутка. Но у нас с Фертраном другие планы на лето.

— Какие планы? — опешила Риса. — Ферт, ты же со мной остаешься!

Они с самого начала работали в тандеме.

— Знаешь, Рис... — пробормотал растерянно полуэльф.

— Не знаю и знать не хочу! — взвилась девушка. — Если я остаюсь, то и ты! Я не намерена торчать тут лишний год, когда есть возможность поскорее вернуться домой!

— Что?! — пришла очередь Дана. — Ты собралась возвращаться на Саатар, а я узнаю об этом между прочим, на дружеском пикнике?!

Обиженный парень отошел к самой воде, и Риса смиренно по-

плелась за ним, на ходу бормоча какие-то оправдания. И кто это сказал: милые бранятся — только тешатся?

— Ферт, что вы задумали? — надела я на приятеля универсала. — Отказываетесь от дополнительных занятий. Ты Рису бросаешь без напарника. Най ребят. В чем дело?

— Ну мы это... того...

— Я уже поняла, что вы того! Нормально отвечай, когда тебя старшие спрашивают!

От резкого тона, да еще и заслышав, что я тут, оказывается, старшая, тогда как по официальной версии я младше его на полгода, Фертран растерялся окончательно. Ответить пришлось Наю.

— Хотим по тракту прошвырнуться. Работу подыщем. Деньжат заработаем, а заодно рекомендации — засчитают как практику. В сентябре сдадим теорию и тоже пойдем на четвертый.

— Най, это же детство полнейшее! А если никто вас не наймет? Если не будет никаких рекомендаций? Зачем рисковать, когда есть гарантированный способ?

— Так интересней.

Мальчишки!

— Я с вами, — возвратился к костру Дан.

— Ребят, вы что?.. — встревожилась я.

Нет, вроде не поссорились. Риса образовалась рядом спустя секунду и ухватила любимого под руку.

— Я тоже с Наем в паре, — пояснил Дан. — Какой мне толк оставаться?

— Сэл ведь еще есть.

— Сэл? — усмехнулся мой сокурсник. — Ты что, даже не похвастался, Буревестник?

Буревестник? Вся компания уставилась на стушевавшегося вдруг парня.

— Вот такой у меня брат, — со смесью насмешки и гордости прокомментировал Най. — Скромный, умный и невероятно одаренный. Многоуважаемые тэры и тэсс, позвольте представить — Сэллер Кантэ, сильнейший адепт Воды в школе герцогства Марони за последние двадцать лет! Прошу отметить, это я цитировал нашего наставника. Так что в напарниках он не нуждается.

Скромный, умный и невероятно одаренный Сэл смущенно пожал плечами. Выглядело как извинение: мол, я не специально.

— Здорово! — восхитилась Вришка. — А Буревестник при чем?

— А, это его Багур так нарек на последней практике, — пояснил Най. — Видели бы вы, что он сотворил с той гидрой! Да он ее узлом связал! А потом такую волну поднял, и одновременно два водоворота, и смерч гиаров на десять! А после еще...

— Най! — прикрикнул на рассказчика брат. — Хватит. Это никому не интересно. Практика как практика. Сдал, и хорошо. Забыли.

— Рыбаки, которые оказались невольными свидетелями твоего зачета, не скоро такое забудут! Так что я не удивлюсь, если по осени застану братишку уже на пятом курсе.

— В этой школе кто-нибудь все семь лет учится? — поинтересовалась Мила.

— Учатся, — кивнул с презрением Фергран. — Все семь лет, а потом идут в вечные подмастерья к действительно сильным волшебникам.

— Это уж точно не про нас, — улыбнулась провидица.

— У тебя тоже ускоренный курс? — поразилась Риса.

— Какой еще ускоренный? Обычный. Три года — на прорицательском больше не учатся. Вы что, не знали?

Я знала, Милара еще в самом начале похвасталась.

— Дар ясновидения либо есть, либо нет, — растолковала она компании. — Учим еще кое-что для общего развития, остальное — по желанию на протяжении жизни. А летом отдыхать буду.

— Везет! — хлопнул по голой коленке тэр Ридо. — А у тебя, Рыжая?

Прежде чем ответить, Вришка показала ему язык.

— Мара никаких скоростных программ не придумала, но я на все лето иду в лечебницу к Белым Сестрам. А это практика и рекомендации!

— Молодец, — похвалил универсал.

— Ну вы даете! — искренне рассмеялась я. — И стоило Медведю расписывать мне преимущества личного ученичества, когда половина учеников и так оканчивают обучение раньше срока?

— Ой, не скромничай! — махнула на меня Вришка. — Ты самое большее через полгода уже перстень получишь.

Получу. Только нужен он мне теперь?

— А где Алатти? — спохватилась Риса.

— Ой! — Милара прикрыла ладошкой рот. — Ну мы и дураки! Начали тут друг перед другом хвастать.

— А что такое? — насторожился Сэл.

— Эвил тоже ускоренный набирает, а ей даже не предложил...

Огневичка сидела у кромки прилива. Хорошо, хоть не плакала.

— Али, возвращайся к нам, — позвал ее Сэллер.

— Угу, сейчас... Буревестник! — бросила она злобно.

— Алатти, он-то при чем? — попыталась урезонить ее я.

— А я при чем, а? Вы теперь все такие важные! На четвертый курс уже собрались. Год-два, как дар прорезался, а уже в великие волшебники нацелились!

— И ты нацелься. Кто тебе мешает?

— Смеешься, да? — огрызнулась она в ответ.

— Не смеюсь. Никто уже не смеется.

— Так вам праздник порчу, да? Могу и уйти!

Уйдешь ты, а как же!

Вскочившая с песка девушка наткнулась на воздвигнутую мной стену.

— Пусти!

— Остынь для начала.

— Остыть?! — Кисти рук маркизы Весара окутались пламенем. — Да я сейчас выберусь и...

Не знаю, что она собиралась сделать, но закончить не смогла, так как в этот момент на нее обрушился настоящий водопад.

— Спасибо, Сэл, — поблагодарила я, не оборачиваясь.

— Не за что, — отозвался друг. — Али, ты как?

На девушку было жалко смотреть: поникшие плечи, ссутулившаяся спина, с облепивших лицо волос капала вода.

— Алатти. — Я убрала заслон и подошла к ней. — Перестань, не надо.

— Ну, Али! — хором заныли подоспевшие девчонки.

— Нам очень жаль, — продолжила я, — но нашей вины в этом нет.

— Я знаю, — всхлипнула она. — А моя, Гал? Моя вина в этом есть? Я же старалась. Училась. Все задания сдавала даже раньше срока. Практику.

— Поговори с Эвилом, он же...

— Что он? Первые месяцы обхаживал, только бы я на его курс перешла. А когда перешла... — Она снова всхлипнула. — Когда перешла, он мне говорит... Говорит, гореть каждая спичка горазда. Представляешь? Я спичка! Он, значит, Буревестник, — кивнула она на Сэла, — а я — спичка!

— Хоры бы тебя драли, Най, с твоими рассказами, — пробурчал водник, зло поглядывая на брата.

— Конечно! Теперь я во всем виноват! Эвил игнорирует лучшую ученицу курса, обзывается почему зря, а виноват... Слушай, Алатти, — хлопнул он вдруг себя по лбу, — а давай мы тебе другое прозвище придумаем?

— А толку?

— Ну будешь ты не спичкой, будешь...

— Свечкой! — рявкнула она. — Они тоже гореть горазды.

— Али, не заводись! — прикрикнула на нее я. — Кому нужны эти дурацкие прозвища? А насчет ускоренного курса я с наставником поговорю, пусть разберется.

— Плохая идея, — вклинилась Риса. — Эвил ее и так невзлюбил, а если Медведь ему что-нибудь скажет, решит, что Алатти руководству жаловалась.

— Да, Гал, не надо, — согласилась сникшая огневичка. — Я как-нибудь сама. Пусть и подольше, но выучусь, никуда не денусь.

— Зачем подольше? — опять вмешалась ползуэльфа. — Перехо-

ди к нам на боевую! У нас много адептов Огня. А тебя Гейнра с радостью возьмет, еще и спасибо скажет, если сама придешь. И на ускоренном будешь со мной в паре заниматься, раз уж этот обормот меня бросает.

— Правда, Ал, — поддержал подругу «обормот», — если Эвил тебя не ценит, переводись к нам! Боевая магия — то, что надо!

— Не получится, — вздохнула Алатти. — Переводы еще в мае закончились. Кто мне бумаги на выгулках подпишет?

— Как кто? Медведь.

Али пробормотала что-то с сомнением.

— Захочет-захочет! — усмехнулась расслышавшая ее слова Риса. — Иначе мы возьмем в плен его любимую ученицу и будем мучить, пока он не согласится.

— Это кто меня в плен возьмет, остроухая? — уперла я руки в боки. — Да вас всех не хватит меня поймать.

— Сейчас посмотрим! — бросились на меня подружки.

Парни скромно остались в сторонке: все-таки кататься с девочками по песку в одном нижнем белье и полотенцах было бы несколько неприлично.

— Мы ее схватили! — сообщила им спустя пару минут Милара, вцепившись в мое запястье.

— Это хорошо, — обрадовался Най. — Тащите к костру — угли как раз дошли.

— Ты чего? — возмутился Сэллер. — Там же одни кости!

Спасибо, Сэл. Ты настоящий друг.

— У нас нормальное мясо есть.

А когда уже развесили над жаркими углями нормальное мясо, Алатти жалобно пролепетала:

— Я все равно хочу прозвище.

— Без проблем! — среагировал Найар. — Будешь... Будешь Огоньком!

— Огоньком? — поджала она губки. — Сэл будет Буревестником, а я каким-то Огоньком?

— Нет, ну снова! — схватился за голову помянутый водник.

— Или Вспышкой, — поправился Най. — Вспышкой лучше?

— Нет.

— Пламенем? Пожаром? Огненным вихрем?

— Нет. Нет. Нет.

— Искрой? — осмелилась предложить я. — У нас... Там, где я жила, так говорили: «Из искры возгорится пламя».

— Красиво, — согласилась Алатти. — Мне нравится. Можно даже на гербе написать.

— Кто еще хочет прозвище и девиз, пока у Галлы вдохновение не прошло? — громкогласно спросил неугомонный Найар Кантэ.

— Я! — выкрикнула Вришка.

— Тебе зачем, Рыжая? — удивился Ферт. — Ты же Рыжая — чем не прозвище?

— А ты... ты... — надулась целительница.

— А я буду Фертраном Молниеносным!

Откуда, будучи в одних портках, он вытащил метательный нож, осталось для нас загадкой, но, просвистев по воздуху, узкое лезвие на треть вошло в ствол дерева, как раз над головой Дана.

— Ты будешь Фертраном Мертвым, если сделаешь это еще раз, — угрюмо пообещал тот.

— Тогда ты будешь Данвеем Мстительным.

— Ридо! Я буду Рисой Засветившей Тебе В Глаз, если ты от нас не отстанешь.

Удивительно, Риса всегда воспринимает нападки на Дана, как на саму себя. Говорит это «нас», как будто они и правда одно целое.

А нас больше нет, Ил...

Эн-Ферро возвратился домой под вечер и с удивлением узнал от Маризы, что Галла отправилась на пикник со школьными приятелями.

— Это недалеко, на нашем пляже.

У них и свой пляж есть, поразился мужчина. Видимо, там они и пропадают, пока он возится на чердаке или занимается с Ласси.

То, что названная сестренка нашла общий язык с его названной женой (интересно звучит — названная жена!), радовало само по себе. А то, что девочка выбралась наконец-то с друзьями, и вовсе казалось чудом. Особенно если помнить, какой сегодня день.

— Недалеко, говоришь? — переспросил он у Маризы. — Я тогда схожу посмотрю.

А посмотреть было на что.

Не напрягая обычное зрение, сиюсья рассмотреть мелькающие у костра силуэты, магистр Пилаг переключился на магическое видение.

Дар к дару тянется, говорил он когда-то Иоллару. Так и есть. Стержень, несомненно, Галла. Сильнейшая. Ее аура изобилует нервными изумрудными сполохами — девочке все еще плохо. Но она молодец, держится, не сдается. Ярким пламенем во тьме пылают Алатти — огневишка. Одинаково ровным бирюзовым светом сияют два водника. Искрящее серебряными звездами лиловое пятнышко — девчонка-ясновидящая. Плавные переливы голубого и розового — полукровки-универсалы, у парня явное смещение к стихии Огня, у девушки легкое к Воздуху. Нежно-зеленый — цвет жизни — это их целительница, шустрая племянница тэра герцога...

А это что такое? То есть кто?

Лайс сконцентрировался на заинтересовавшей его ауре. Интересно... Ох как интересно! А если это в придачу тот, о ком он поду-

мал, так и вовсе презабавная история получится. Может, это Гал-чонка развлечет?

Эн-Ферро ненадолго задержал взгляд на насыщенном изумрудном свечении, еще раз мысленно похвалил сестренку за стойкость и пожелал ей удачи.

— А если что, то я рядом, — произнес он вслух.

У костра, откуда доносилось нестройное и не очень трезвое пение, его наверняка не услышали...

Галла

Самой не верилось, что прошел целый месяц. Или всего лишь месяц — как посмотреть. С одной стороны, все еще так свежо в памяти и так болезненно, а с другой — столько всего случилось уже без него.

Без него обосновались в нашем доме Мариза с сыном, и на старом диванчике, на котором когда-то засыпало мое солнце, ворочается теперь по ночам, сбивая простыни, маленький хвостатый волшебник.

Без него наступило лето. Дохнуло горячим зноем, раскалило прибрежный песок и пыльную проселочную дорогу, по которой я добиралась до школы.

Вчера, несмотря на скорбную дату, мне удалось отвлечься от грустных мыслей в кругу друзей, погрузиться в их мечты и проникнуться их надеждами. Сначала мы обсуждали летние курсы и убеждали наших охочих до приключений мальчишек проявить разумность и отказаться от затеи с путешествием. Потом, после продолжительной и уморительной речи Ная, в которой он расписывал преимущества дорожных приключений перед сидением в душных классах, уже все вместе собирались отправиться к Северным горам и дойти аж до Карского разлома, дабы раз и навсегда заткнуть эту демоническую нору. После сидели, глядя на гаснущие угли и зажигающиеся в небе звезды, и Ферт, в котором до этого дня никто не подозревал подобных талантов, красивым, хорошо поставленным голосом пел древние эльфийские баллады. И не нужно было в совершенстве знать саальге, чтобы понять, о чем говорилось в тех песнях...

А сегодня я ехала в школу и не могла унять сумасшедший стук сердца, отдающийся дрожью во всем теле при мысли о том, что мне предстоит увидеть. Но я сама попросила наставника показать мне запись. Я хочу увидеть ее, любимый, и, может быть, тогда смогу до конца поверить в то, что тебя больше нет.

Было бы странно, если бы Медведь не предпринял попытку сделать вид, что забыл о своем обещании, но он именно так и поступил. В кабинете меня ждала куча книг и рисунков, и после короткого

приветствия маг с ходу принялся рассказывать мне об обрядах рейланских племен.

— Наставник, вы собирались показать мне запись, — невежливо перебила я.

— Ах да...

— Вы ее не принесли? — К такому я тоже была готова.

— Принес. Но думал, мы посмотрим ее после урока.

— Лучше сейчас.

— Хорошо. Стоит задернуть шторы.

Как скажете. Я махнула рукой, и металлические кольца прозвонили по карнизу, растягивая на всю ширину окна тяжелые коричневые портьеры.

— А чай ты, должно быть, кипятишь взглядом, — усмехнулся не успевший дойти до окна волшебник.

— Нет. Чай я кипячу на огне. В школу езжу верхом. А стиранные вещи сушу на бельевой веревке во дворе. И лекцию о неразумном использовании магии в быту помню хорошо.

Медведь ответил осуждающим взглядом, но упрек не достиг цели: натянувшиеся в ожидании нервы не способствовали ведению вежливых разговоров.

— Кристалл, наставник.

Камень тихо стукнул о столешницу.

— Запись неразборчива, и у тебя не так много опыта в работе с подобными артефактами, так что спрашивай, если что-то не поймешь.

— Простите, тэр Марко, но можно я просмотрю ее одна?

— Галла...

— Пожалуйста.

Скрипнула дверь, и я осталась одна в полумраке учительского кабинета. Долго сидела, сжимая в руке последние минуты жизни моего солнца. А затем раскрыла ладонь и потянулась к заточенной в кристалле памяти...

— Что ты сделала? — переспросил магистр Багур.

— Вырезала кусок в самом конце и перезаписала картинку. — Тэсс Лона повторила сказанное ранее более доступными для понимания словами.

— Разве это возможно?

— В мире иллюзий все возможно, даже изменить ход записанных событий. Но я ничего не убирала. Взрыв. Пожар. Умерли люди. Умер колдун. Эльф, — чародейка вздохнула, — тоже умер. Только быстро...

Традиция встречаться по утрам в примыкающем к школьной лечебнице кабинете Мары существовала у наставников с незапамятных времен. Делились последними новостями, обсуждали до-

машние дела и рабочие проблемы. Даже Медведь иногда посещал эти сборища, ведь такого вкусного чая, как тот, что заваривала целительница из собственноручно отобранных трав, не найти во всем Кармоле.

— А тебе не показалось... — Тэсс Дэвина настороженно обежала взглядом присутствующих и подманила иллюзионистку пальцем.

Лона отставила чашку и подошла к провидице.

— Тебе не показалось, — зашептала ей та, — что с этой записью уже что-то не так?

— Что именно?

— Не знаю. Что-то. Это дело не дает мне покоя. Я с самого начала не могу ничего увидеть наверняка. Еще после первого нападения я пыталась построить прогноз, но... Ничего не видно! Даже после обряда. Я и на кладбище ходила. И к посольству после пожара. И эльфа того видела, когда он еще был жив. Никакой защиты, но он совершенно непроницаемый. Я и Галлу не вижу. Совсем. И все это мне не нравится. Что-то здесь явно не так.

Когда подобные сомнения выказывает глава отделения прорицателей, стоит отнестись к ее словам серьезно.

— Вы говорили тэру Марко?

— Да. И ему, и этому азгарскому дознавателю. Мы даже запись просматривали вместе, но так и не разобрались. А ты точно ничего не заметила?

— Нет, — передернула плечами иллюзионистка.

— Стареею, наверное, — вздохнула провидица, разворачиваясь к сидящим за столом коллегам. — Мара, милая, у тебя нет лекарства от тяжких старческих дум?

— Есть, — улыбнулась целительница. — Но его я держу для себя. А вам, моя дорогая, нужно другое средство. Гират, ты не принесешь тэсс Дэвине своей настойки? Гира-ат!

— Да, что? — встрепенулся рассеянный полуэльф. — Настойки? Конечно, сейчас.

— А что это с нашим мальчиком? — спросила Гейнра, когда травник вышел из комнаты. — Он, часом, не приболел?

— Знаете, — Мара покосилась на закрытую дверь, — Гират ничего не говорит, но мне кажется, он тяжело переживает эти события. Когда ребят похитили, он так сокрушался, что не был тогда в школе и ничем не сумел помочь. А после поджога посольства несколько дней ходил как неживой.

— Да, я помню, — поморщилась Лона. — На него смотреть было страшно.

— Эльфийская кровь, — заключил тэр Багур. — За своих переживает...

— Кто здесь переживает? — Гират вернулся, держа в руке бутылку из темного стекла.

— Гейнра переживает, что Эвил еще не вернулся, — наскоро соврал наставник водников. — Со следующей длани начинаются летние курсы, а его все еще нет.

— Не волнуйтесь, тэсс Гейнра, — повернулся к молодой наставнице полуэльф, — тэр Эвил успеет вовремя. А для вас у меня есть замечательное средство от тревог.

Он откупорил бутылку, и Багур, принюхавшись, первым поставил чашку, предварительно испарив из нее остатки чая.

Галла

Я больше не стану плакать, солнце мое. Сегодня я пролила столько слез, сколько у иных не случилось за целую жизнь. Сначала в школе, когда смотрела, как тает в огне пожара твоя жизнь. Потом по дороге. После — здесь, на нашей полянке, куда свернула, чтобы не заявляться домой с красными глазами и распухшим носом. Приехала сюда и разрыдалась еще сильнее, увидев, как вымахала трава на утоптанном когда-то пятачке. Но я больше не стану плакать, любимый.

А траву можно снова вытоптать.

Я вынула меч. Сняла, чтобы не мешал, пояс с ножнами.

«Только руку не сильно отводи, теряешь время и открываешься во время замаха. А когда выпад делаешь, немного отклоняйся назад и в сторону...»

Я помню, родной. Я все сделаю правильно.

Свистит по воздуху меч. Сталь клинка отбивает яркие лучи света, и скачут по нашей полянке десятки солнечных зайчиков. Топчут вместе со мной противную траву, что разрослась здесь, словно на неухоженной могиле. А завтра я опять приду, и послезавтра...

— Этот танец тяжело танцевать одной.

Я развернулась на голос, выставив вперед меч. В тени дерева стояла лафия.

— Говорю, этот танец тяжело танцевать одной, чародейка.

— Одной вообще тяжело.

— Я знаю, что случилось с твоим эльфом. Мне жаль.

— Жаль, что так и не затащила его в кусты?

— Нет. Просто жаль. Мне нравилось приходить сюда и смотреть на вас, вон оттуда. — Она указала на густую крону высокого клена. — Это было красиво.

Я почувствовала, как вспыхнули щеки.

— Очень красиво, — повторила лафия, растягивая слова. — Вы светились. Даже когда всего лишь танцевали с этими железками.

— Я сейчас тебя этой железкой ткну, нежить беспардонная!

— Ну и ткни, если легче станет. Меч у тебя, поди, не серебряный.

Уходить она не собиралась.

— Что тебе от меня надо? — Я опустила оружие.

— Ничего. Живу я теперь здесь, к таким, как ты, поближе.

— Это с какой еще радости?

— Не от радости, — шмыгнула носом майла. — Опасно в лесу стало. Темных много появилось. Ты скажи своим, чародейка, это же по их части, темные-то. Пусть прогонят их. Тогда и я назад в чащу переберусь.

Сказав это, она зайцем сиганула за ближайший куст, только листочки вздрогнули.

Да, видать, не только у меня проблемы — весь мир непонятно куда катится, раз уж лесная нежить стала рядом с магами селиться.

Я подняла с травы пояс и направилась к тому месту, где оставила Яшку. Слезы высохли, с лица сошли пятна, и можно было возвращаться домой.

— Теть Гал, а ты чего с той стороны едешь? — удивился Ласси.

— В лесу была, гостинец тебе везу. — Я раскрыла ладонь, на которой лежали четыре ягодки.

— Клубника? А почему маленькая такая?

— Глупышка! — щелкнула я племянничка по носу. — Это земляника. Первая. Скоро ее в лесу видимо-невидимо будет, мы с тобой тогда полную корзину наберем.

— Вкусно. — Лайс-младший разом отправил в рот всю мою добычу. — Только мало. А я домик делаю для котенка. Мама читает, а к папе дядька какой-то странный приехал.

— Странный? — насторожилась я.

— Очень странный. Папа ему говорит: это мой сын. А он сразу: а хвост у него есть?

Отбой тревоги. Лишь один известный мне человек настолько озабочен наличием у членов семейства Эн-Ферро этой выдающейся во всех смыслах части тела.

— Здравствуй, идущий.

— Здравствуй, открывающая.

На столе стоит бутылка и два стакана.

— Присядешь с нами?

— Нет. Вы простите, устала...

Во-первых, пить я все равно не буду. А во-вторых, лишь пару часов назад я поклялась никогда больше не плакать и, если задержусь на этих скудных поминках, могу не сдержать обещания.

ГЛАВА 3

Брайт Клари проследил за тем, как наполняется его стакан, и поднял глаза на карда.

— На ней ожерелье Левины.

— Как видишь.

— Если бы я знал тогда, что все так серьезно, то придумал бы что-нибудь, чтобы ты остался и, может...

— Хочешь внести свое имя в длинный список виновных в его смерти? — поморщился Лайс.

— Я разве еще не в нем?

Выпили. Помолчали.

— Ты потому не появлялся? — нарушил тишину маг. — Боялся, что на тебя сорвусь?

— Боялся, — признался Брайт. — Да и Марега велел тебя до поры не трогать, а ему никак сам герцог приказал. Видно, тэр Ката-ра и себя в тот список определил — как ни крути, но за безопасность посольства он лично отвечал. И маги наши сплеховали, дело до конца не довели, колдуна того не поймали.

— Я и говорю, без тебя виноватых хватает. Так что зря боялся. К тому же мне не до разборок было.

Налили. Выпили. Помолчали.

— А она как?

— Уже лучше.

— Ты знал, что они с Илом?..

— Нет. Все, как ты говорил: в лагере смены долгие, за сестренкой следить некогда.

— Я не про то говорил. А он ей ожерелье отдал. Знаешь, я и не думал, что он его кому-нибудь отдаст. Столько лет эти сказки слушал. Все слушали, и все не верили. Он ведь таким был...

— Каким? — Эн-Ферро сжал кулаки, а в глазах промелькнула угроза.

— Мальчишкой. Вечным мальчишкой, как для меня. Помнишь, как мы впервые столкнулись? Я молодым был, он молодым был, и ты нас, сопляков, всю дорогу уму-разуму учил. А в этот раз встретились? Ты — все такой же умник, я — уже почитай старик, и он — как был мальчишкой, так им и остался, и воспитывать тебе его было еще лет двести, не меньше.

— Все дети когда-нибудь взрослеют, Брайт. К тому же не настолько ты его знал, чтоб так говорить. Где ты с ним пересекался? На Навгасе, когда он в ралли участвовал, а ты на его победу ставки делал, и после вы выигрыш делили? Или на Ино, где вы на пару тот бордель разгромили? А я с ним войну на Раване прошел. Мы на Каэлере сиротский дом после пожара отстраивали и малышня выхаживали. Мы на Лева в Кироти караван из Виссала вели. Я тебе о нем столько рассказать могу, что и длани на этот рассказ не хватит. А ты говоришь, мальчишка!

Налили. Выпили. Помолчали.

— Ты прости, если я в чем неправ, Лайс. Ты его лучше знал — тебе и судить.

— Лучше, да не так хорошо, как хотелось бы, — вздохнул кард. — И в сказки про ожерелье я тоже не верил.

Налили.

— Сынишка у тебя хороший, — решил сменить тему тэр Кларн. — Никто в Сопределье и не слышал, что у нашего проводника наследник имеется, иначе мигом бы эту весть по всем мирам разнесли. Где ты его только прятал?

— Я не прятал. Он с матерью на Юули жил, в колонии. А сейчас мир на карантин закрыли, вот я их и вытащил, а то еще лет пять не увидел бы.

Выпили.

— Странная штука этот карантин, — нахмурился Брайт. — На всех станциях шумят. Шесть миров закрыли. А к чему?

— Врата под новых Хранителей перенастраивать будут, — пояснил магистр Пилаг. — Долгий процесс.

— А чем им старые Хранители не угодили?

— Понятия не имею, — солгал, не моргнув, Эн-Ферро. — Пойди Гвейна спроси.

Тарский идущий вдруг рассмеялся.

— Извини, — ответил он на недоумение собеседника. — Наши так говорят, когда послать хотят куда подальше: иди ты к Гвейну. Я старика за все тридцать лет только однажды видел. А некоторые вообще его не встречали. В других мирах, я слышал, Хранители своих идущих больше привечают.

Налили. Выпили. Убрали со стола опустевшую бутылку.

— Ну теперь рассказывай, Брайт, зачем на самом деле приехал. Сказать, что мой отпуск закончился?

— И это тоже. Даже не знаю, как после того раза все это повторять.

— Из охотников Марегга не уходят? — криво усмехнулся кард.

— Если бы вы совсем из Марони уехали. Или с Тара ушли. Я, по правде сказать, думал, что ты после пожара так и поступишь.

— Нет. Пока останемся. Нельзя сейчас Галлу с места срывать, здесь у нее хоть школа осталась, приятели.

— Понимаю. Тогда... Тут новый лагерь ставить начали на ближних подступах. Видно, город хотят в кольцо взять. Если решишь, то это не так далеко, дома бывать будешь чаще. А я с Алезом поговорю...

— Посмотрим. Не завтра же заступать. Сколько у меня еще времени?

— Длань. До следующего почина.

— Разберусь. — Эн-Ферро всмотрелся в лицо сидящего перед ним человека. — Только ведь это не все, да?

Идущий кивнул:

— Да. Я на днях из Саела. Не ходил никуда, так — заехал новости послушать, почту проверить.

— И что говорят, что пишут?

— Да есть один слушок. Может, это и не связано никак...

— Не тяни!

— Убийца на Таре. Даже больше, я думаю, он уже в Кармоле.

Галла

Мне действительно удалось уснуть. За окном шумело море, кричали чайки, стучал молотком Ласси, сооружая домик для будущего питомца, а я спала и видела сны. В этих снах собирал в кулак штормовые тучи Сэллер Буревестник, метал ножи-молнии Фертран Ридо, зомбировала умерших керов маленькая рыжая целительница, а над всем этим, словно пушкинская русалка, со смехом раскачивалась на ветвях черноволосая лафия...

— Галчонок!

...Мглистое облако выползло из оврага, поднялось над землей, принимая очертания человеческого тела, и потянулось ко мне...

— Что? — Я села на постели, обрывая грозившее обернуться кошмаром видение.

— Прости, не думал, что ты спишь.

— Ничего. Брайт уехал?

— Да.

— Снова тащит тебя ловить лесных разбойников?

— Вроде того.

— Ну и езжай. Развеешься. Заодно и Ласси от тебя отдохнет. А то ты, смотрю, решил за все восемь лет на мальчишку и любовь отцовскую вылить, и наукой своей кошачьей загрузить.

Лайс со вздохом опустил на пол у моей кровати:

— Плохой из меня учитель, да?

— Только в фехтовании. — Я сползла с постели и шлепнулась рядом с ним. — Езжай с Брайтом. Ты же не домашний кот, долгого затишься не выдержишь. Заодно и от школы подальше будешь. Я же вижу, как тебя уже гнет этими блоками.

Даже не представляю, чего ему стоило постоянно удерживать защиту в те дни, когда в наш домик навевывался, чтобы справиться о моем здоровье, Медведь, или сам кард мотался в орденскую канцелярию, выжимая из магов и судебных подробности расследования. Да и сейчас он все время начеку: лишь немного ослабил блоки и изредка позволяет себе поволшебствовать.

— Езжай.

— Поеду и буду там круглые сутки за вас переживать.

— А мы здесь — за тебя. Как в самой обычной семье.

— В нашей семье на обычную только Мариза тянет, — заметил

братишка. — Да и то не в этом мире — с ее-то хвостом и тремя научными степенями!

В Лайсе на самом деле многое напоминает кота. Особенно ощущение тепла и умиротворенности, когда он рядом. Словно я все еще на своей любимой Земле, в старой тетиной квартире, сижу на диване, а под боком сонно мурлычет Лушка.

— Гал, скажи, Иоллар когда-нибудь говорил тебе о Ромаре?

— Да, немного.

Ил редко рассказывал о своих знакомых. Но о Ромаре, эльмарском орке-идушем и первом мечнике Сумрачного края, я слышала.

— Брайт говорит, что он на Таре. Может, это лишь совпадение, но я прошу тебя быть осторожной. С моей репутацией трудно затеряться в Сопределье: любой открывающий с порога сообщит за умеренную плату, в каком из миров можно найти проводника. Спрятаться внутри мира у меня еще получалось, на Таре мы с тобой особо не прятались. Так что если Ром нас ищет, он найдет.

— Но зачем? Для чего Ромар Меч станет нас искать?

— Ромар Меч? — усмехнулся кард. — Наверное, только Ил звал его так в последнее время. Остальные давно уже не называют его Мечом. Теперь его зовут Ромар Убийца. И если он нас ищет, то найдет.

В тот день, когда наставник показал мне запись с места пожара, он вдруг решил, что мне нужен дополнительный отдых, и отменил все занятия до следующего почина. И теперь я наслаждалась, вернее, пыталась насладиться вынужденным бездельем.

Сначала взялась учить Ласси управляться с кером. Малыш быстро освоился, вошел во вкус, и я стала побаиваться, что теперь мне, чтобы куда-нибудь поехать, придется с боем отбирать у племянничка своего Яшку.

Потом пыталась доказать Маризе, что в ней скрыт кулинарный талант и совсем не обязательно дожидаться меня, чтобы приготовить вкусный и сытный обед. Это мое начинание успехом не увенчалось, ибо если таковой талант у карди и был, то где-то очень-очень глубоко, под обширными медицинскими знаниями и тоской по полуфабрикатам.

С утра я уходила на нашу полянку, топтала траву и высматривала среди листвы нахальную лафию.

После обеда, когда солнце палило уже не так жестоко, мы всей семейкой отправлялись на пляж. Купались, загорали, возводили песочную крепость, ели принесенные с собой бутерброды, разрушали песочную крепость (Эн-Ферро тренировал наследника в создании боевых заклинаний). Но даже на отдыхе Лайс избегал Маризу, Мариза шарахалась от Лайса, а мне приходилось объяснять их сыну, отчего его мама и папа совсем не похожи на родителей рыжих

девчонок из Уликов: не держатся за руки, не называют друг друга ласковыми именами и не целуются, когда думают, что их никто не видит.

— Может, они и целуются, — говорила я, наблюдая, как братец украдкой рассматривает хвост фиктивной супруги в том месте, где тот появляется из прорези в коротеньких штанишках-плавках. — Прячутся от нас и целуются.

Зная легкомысленность господина магистра и его тягу к прекрасному полу, даже странно, что он не пытался закрутить интрижку с поселившейся с ним в одном доме молодой красивой женщиной, да еще и матерью его сына. Хотя вполне вероятно, что именно последний факт его останавливал.

— Ничего они не целуются, — бурчал в ответ Ласси. — Я вчера специально полдня дома сидел. Папа на чердаке что-то делал, а мама снова книжки читала.

А может, Лайс и пытался, но Мари его отшила. Вспомнила того своего красивого-знаменитого и ясно дала понять ненужному ухажеру, что он ей неинтересен, а общий ребенок — еще не повод для постели.

— Но потом же ты ушел? Ушел, а они в то время целовались.

Вот так и прошло время до весела.

В выходной, как обычно, пришла Мира из Рыбацкого, забрала в стирку вещи, рассказала последние сплетни.

К обеду нагрянул Брайт, обрадовал Лайса дланью отсрочки, сожрал полкурицы и допил остававшийся квас.

А вечером...

— Здравствуй, открывающая.

— Здравствуй, идущий.

Сидевший на крыльце Эн-Ферро в секунду преодолел десяток гиаров и вырос крепостной стеной между мной и неожиданным гостем, только-только ступившим на наше подворье.

— Здравствуй, идущий, — усмехнулся пришедший, даже не вздрогнув, когда разбуженный стремительным броском карда ветерок прошелся по его волосам.

— Здравствуй, идущий.

Я невольно улыбнулась. Официальные приветственные фразы напомнили земной анекдот про вежливого ежика и Али-Бабу с его сорока разбойниками: «Здравствуй, Али-баба!» — «Здравствуй, ежик!», «Здравствуй, первый разбойник!» — «Здравствуй, ежик!» И так еще тридцать девять раз. А потом не менее вежливое прощание.

— Нервный ты стал, Эн-Ферро.

— Жизнь такая.

И Профессор с Земли, и пожилой магистр с Тара рассказали бы вам, что орки — это очень сильно изменившиеся эльфы. Первый

уверял бы, что произошло это по воле темного властелина, второй — что под воздействием тысяч лет параллельного развития в иных природных условиях и в искаженном магическом поле. Магистр Пилаг добавил бы сюда свои измышления на тему возможного вмешательства ученых-генетиков или тайных экспериментов Хранителей. Но как бы то ни было, все они сошлись бы на том, что у этих народов были общие предки.

И эльмарские орки в своем эволюционном отрыве не так уж далеко ушли от эльфов своего мира, думала я, рассматривая поверх братского плеча заявившегося к нам мужчину. Сходства с местными орками в нем не наблюдалось. Разве что такой же высокий и широкоплечий, но без громоздкости. Длинные темные волосы, собранные в хвост, и черные глаза делали его похожим на уроженца южных областей империи. Небольшие, слегка вытянутые назад и заостренные уши наводили на мысль о дальних саатарских предках. А выступающие в улыбке клыки успешно скрывались, стоило ему плотно сомкнуть губы. Вряд ли на Таре в Ромаре признали бы орка — скорее здесь его принимают за человека, у которого в роду, с одной стороны, был как минимум один эльф, а с другой, судя по смуглой коже, — рейланцы или алионцы.

— В дом не пригласишь? — спросил он у Лайса.

— В этом доме тебя не ждали, Ром.

Жаркий летний вечер обещал стать еще жарче.

— Давайте лучше на улице посидим, — предложила я со всем возможным дружелюбием. — В доме душно, да и свет зажигать не хочется — комары налетят.

— Можно и на улице, — сказал Меч, которого теперь зовут Убийцей.

Он говорит на каэрро, а значит, на нем сейчас один из драконьих амулетов, коими снабжают идущих на станциях. И одет он по местной моде: кожаные штаны, свободная серая рубашка с широким отложным воротником, на поясе тощий кошель и обтянутая тканью фляга, а через плечо небрежно переброшена дорожная сумка. Не вписываются в общую картину лишь торчащие по обе стороны от его головы рукояти мечей — на Каэtare оружие носят на поясе. И не такое оружие.

— Давайте на улице, — смягчился Эн-Ферро. — Кстати, знакомьтесь. Ромар, идущий. Моя сестра Галла, открывающая, как ты понял.

— Рад встрече, Галла — поклонился орк.

— Взаимно, — улыбнулась я во все тридцать два.

Эн-Ферро подозрительно покосился в мою сторону. Я ответила ободряющим подмигиванием: ничего, встречались мы уже с убийцами, потерпим и Убийцу. Нужно же узнать, какие демоны принесли его на Тар?

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. НЕЗАКОНЧЕННЫЕ ДЕЛА	5
Часть вторая. СУМРАК ЗА МОЕЙ СПИНОЙ	165
Часть третья. ОТВЕТЫ БЕЗ ВОПРОСОВ	458
<i>Эпilog</i>	505